

Оперативный резерв

Автор:

[Людмила Макарова](#)

Оперативный резерв

Людмила Макарова

Дозоры

По Москве безнаказанно разгуливает таинственный убийца Иных. Ночной Дозор столицы работает в круглосуточном режиме, оперативный резерв поднят по тревоге, но преступнику каждый раз удается уйти от погони. Дневной Дозор начинает собственное расследование и привлекает к работе бывшего сотрудника Ночного Дозора Никиту Сурнина. Удастся ли ему в короткий срок восстановить навыки, чтобы противостоять грозному врагу? И что связывает преступника и Светлого мага, который десять лет назад неожиданно принял решение уйти из Дозора?

Людмила Макарова

Оперативный резерв

Данный текст не противоречит каноническим знаниям Светлых Иных.

Ночной Дозор

Данный текст не противоречит каноническим знаниям Темных Иных.

Дневной Дозор

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© С. Лукьяненко, 2013

© Л. Бекмачева, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

История первая

Сумеречный убийца

Пролог

Семь вечера в Москве – непростое время. Лавина машин, сердито мигая фарами и раздраженно полыхая стоп-сигналами, с ревом устремляется на улицы – в ползучие ловушки автомобильных пробок.

В рукотворном подземелье с натужным ревом носятся перегруженные поезда метро. Наземный транспорт атакован пассажирами: яростно звенят трамваи, троллейбусы роняют с проводов тяжелые искры, нетерпеливо ерзают в транспортном потоке переполненные маршрутки.

Москва вздыхает, легким ветерком смахивает прозрачные желтые листья на паутину улиц, великодушно позволяет бесконечному людскому потоку выплескиваться на проспекты и бульвары и свободно течь от центра к панельным высоткам спальных районов. Этот город любит своих жителей... Здесь у Света есть шанс. По крайней мере лет десять-пятнадцать назад Никита Сурнин в этом не сомневался.

Глава 1

Ему позвонили около половины восьмого вечера, перехватив у самых турникетов метро. Телефон завибрировал в кармане ветровки, воздух перед глазами на миг словно загустел, человеческие ауры, на которые Никита давно перестал обращать внимание, заструились и расцвели приглушенными красками.

Он сбавил шаг, получил острый тычок и порцию базарной ругани от пожилой женщины с тележкой, по инерции проскочил турникет, чересчур резко дернул бегунок молнии, и тот застрял на полпути.

– Сурнин! – сказал Никита в телефон, справившись с застежкой. – Алло! – требовательно добавил он, подивившись паузе, повисшей в трубке после короткого щелчка.

– Вас приветствует автоматическая служба оповещения Ночного Дозора, – сказал женский голос. – Светлому Иному Сурнину Никите Михайловичу, состоящему в оперативном резерве города Москвы, следует немедленно прибыть на Трубную площадь для организации оцепления.

– Какая-какая служба? – переспросил Никита, не поверив собственным ушам.

– Для повторного прослушивания сообщения нажмите один, – настоятельно порекомендовала механическая девушка.

– Где все?! Что случилось-то? – спросил Никита, не отдавая себе отчета в том, что всерьез препирается с автоответчиком.

– Для получения полной информации об инциденте нажмите два. Для оформления отказа по уважительной причине нажмите три, – неумолимо вещала собеседница. – Для...

Никита отбил звонок. До станции «Трубная» один перегон. Искали явно тех дозорных и резервистов, кто оказался поблизости. И что бы там ни случилось – особой спешки нет, иначе позвонили бы голосом. «Вообще бы не позвонили, – поправил он сам себя, – на голову бы сели, да так, что не стряхнешь... Значит,

как и планировалось, – метро». Никита сунул телефон в наружный карман, чтобы был под рукой, и влился в поток спешащих горожан и гостей столицы, позволяя увлечь себя к эскалатору.

Провалившийся «фольксваген» и подоспевшие экстренные службы почти наглухо остановили движение на Трубной площади и собрали взволнованную толпу любопытствующих и сочувствующих, которую успешно теснили полицейские. Толпа ахала, фоткала, инстаграмила, громко давала советы сотрудникам МЧС и переспрашивала у впереди стоящих, что произошло и сколько человек погибли на месте. В задних рядах азартно спорили о том, больше или меньше порядка стало в столице за последний год.

В кучке, отрезанной от главной достопримечательности вечера проезжей частью, спешно формировалась альтернативная версия происшествия: уже кто-то видел, как бахнуло у обочины взрывное устройство, а террористы скрылись на черной машине без номеров, как фургон подлетел над дорогой и ухнул в образовавшуюся воронку, похоронив под собой выпавшего водителя, пешехода и проезжавшего мимо мотоциклиста.

Люди у станции «Трубная», откуда вид открывался в основном на машины и полицейские мигалки, компенсировали дефицит информации бурными дискуссиями на темы судьбы, божественного провидения и качества российских дорог.

Никита выскочил из метро как раз когда дородная дама в белом пальто и вишневой шляпке уверенно говорила:

– А вы как думали, нет, как вы думали?! Конечно, будут жертвы! Что мы оставляем нашим потомкам, что? – Она выбросила вперед руку, унизанную массивными золотыми кольцами. – Разоренные деревни и заставленные машинами дворы!

– Точно, – вдруг перебил ее мужчина в кепке. – Тут Неглинка рядом, вот почву и подмыло. Здесь и так весь Цветной бульвар и Самотечные улицы, да и сама площадь давно плавают. Не первый раз грунт проседает.

К дядьке, услышав единственную более или менее правдоподобную версию происходящего, подскочил бойкий корреспондент, страшно гордившийся тем,

что первым оказался в гуще событий, дав сто очков вперед центральным каналам.

Никита с тоской посмотрел в вечернее небо, затянутое облаками, и оглянулся на мачты городского освещения. Свет затеплившихся фонарей растекался по людскому морю, дрожал, дробился. Обтекал кожаные куртки, поблескивал на пряжках сумок и украшениях, искрился в локонах крашенных блондинок. Где же ее тут найдешь – тень, открывающую переход из реальности в реальность?

Наконец фонарь оказался точно позади. Никита чуть прищурил глаза. Перед ним возникла широченная спина полицейского, Сурнин дернул с нее зыбку и дрожащую свою тень и шагнул прямо в темно-синюю форменную куртку лейтенанта.

Мир утратил краски. Упала тишина. Машины, и так едва двигавшиеся из-за образовавшейся на дороге пробки, застыли на месте. Мгновенно приблизилось и легло на плечи ватное серое небо. С непривычки у Никиты перехватило дыхание – Сумрак, почувствовав легкую добычу, жадно потянулся к нему.

Никита отрицательно качнул головой, сделал шаг, духота отступила, бесцветный контур полицейского медленно пополз в сторону. Серое небо нехотя приподнялось, рассыпающиеся громадины зданий сложились заново, на миг явив взору призраки старинных подвалов. На втором-третьем слое здесь, наверное, получилась бы увлекательнейшая экскурсия по старинной Москве: под разноцветными лунами в призрачном тумане, скрывающем от глаз серые арки и радужный песок еще более глубоких слоев. Но Никита не пошел глубже. После длительного перерыва это далось бы так нелегко, что помощник из него оказался бы никакой – не оцепление, а замороженный столб, тратящий Силу на то, чтобы остаться на ногах. Кстати, оцепление! Он огляделся и зашагал через площадь туда, где вполнакала теплились жалобно моргающие полицейские мигалки.

Ночь еще только-только вступала в свои права, время Светлых дозорных не пришло, и Темные успели на место происшествия первыми: Иной четвертого уровня Силы, возглавлявший группу, рядом ведьма и вампир. Не Высший, конечно, но по всему видно – старый и опытный, он как раз выбрался из ямы, неестественно легко взмыв с почти двухметровой глубины. Опоздавший сотрудник Ночного Дозора в сопровождении двух оперативников только-только вынырнул из второго слоя Сумрака, и вся троица расположилась напротив.

А вот и оцепление... Никита решительно оттер Темного новичка, восторженно тарачившегося на происходящее, и встал между ним и девчонкой-оборотнем, сдержанно кивнув обоим. За те десять лет, что Сурнин не работал в Дозоре, ничего не изменилось. У Темных по-прежнему отбоя не было от молодняка, желающего примкнуть к Великим Силам и вкусить обещанной свободы. И по-прежнему Светлый дозорный, явившийся на место происшествия с небольшим опозданием, явно превосходил противника в Силе. Наверняка не ниже третьего уровня. Насчет морально-волевых качеств и сомневаться не приходилось. Вот только вид у парня был задерганный, заспанный какой-то. Щегольской темно-синий плащ нараспашку, джинсы в грязи, волосы растрепаны.

Светлые сильны и прекрасны. Все те, кто согласился работать в Дозоре. Но, к сожалению, ключевое здесь слово «согласился». Война, даже война с силами Тьмы, для Светлых Иных непростой выбор. И хорошо еще, если это честный открытый бой. А если та мышиная возня, что возникла со времен заключения Договора... Дурацкие мысли. Все это уже думано-передумано. Никита досадливо качнул головой и сосредоточился на происходящем.

– Дневной Дозор заявляет решительный протест в связи с действиями Светлого Иного Виталия Подгорного и категорически отрицает возможность провокации с нашей стороны. Ответственность за гибель вампира Матвея Корнеева лежит полностью на стороне Света, о чем мы только что уведомили руководство, – категорично произнес Темный.

На первом слое Сумрака он был ничего, вполне приятный мужик лет сорока, только от бледно-люминесцентных удлинившихся ногтей по пальцам и кистям рук тянулись багровые полосы.

– А вы не поспешили с выводами? – начал Светлый дозорный и отвлекся на телефонный звонок. – Секунду... Что-что горит?! – переспросил он в трубку и бросил через плечо одному из оперативников: – Володя, давай к торговому центру, инфу щас сбросят. – И снова в трубку: – Да, одного могу. Кого? А кто это? Понял, щас найду, – скороговоркой закончил он.

Никита украдкой взглянул на экран своего мобильного, который теперь держал под рукой, – нет сети. А у кого-то есть. Интересно, до какого слоя Сумрака дошел прогресс и кого коснулся – только избранных или всех сотрудников Дозора...

– Позвоните любимой девушке или теще, Александр, – великодушно предложил Темный и нехорошо улыбнулся. – Ваши силы неисчерпаемы, а мы никуда не спешим.

Парень поднял голову и медленно засунул айфон в задний карман джинсов.

– Ночной Дозор, – чеканя каждое слово, начал он, – в свою очередь заявляет решительный протест в связи с действиями Темного Иного Матвея Корнеева и категорически отрицает возможность провокации с нашей стороны.

Ответственность за гибель Светлого Иного Виталия Подгорного лежит полностью на стороне Тьмы. Равно как и гибель человека, оказавшегося случайным свидетелем происшествия. Либо нелегализованной жертвой. Позиция понятна? – уточнил он. – А теперь мы осмотрим место происшествия, пока у меня не появилось подозрение, что сотрудники Дневного Дозора препятствуют проведению следственных действий.

– Заведомо ложное обвинение? – как бы невзначай уточнил Темный. – Вам зачтется эта услуга Дневному Дозору.

– Предположение в рамках проводящегося расследования, – отрезал Светлый и направился прямо к Никите. – Вы Сурнин? – уточнил он.

– Да, я.

– Александр Спешиллов, Иной. Вы мобилизованы и временно восстановлены в структуре Ночного Дозора. Пойдете со мной на осмотр места происшествия.

Редкий случай, когда фамилия идеально подходила владельцу. Александр Спешиллов был шустр до невозможности, говорил решительно, двигался в вязкой серости стремительно, а белое сияние, которое, говорят, в глубоких слоях Сумрака заливает Высших магов целиком, проявлялось на нем размытыми светлыми пятнами, которые перескакивали по одежде с места на место, от чего парень немного смахивал на мультяшного леопарда.

– Можно Саша, – бросил он через плечо. – Следуйте за мной.

Едва успевая за своим провожатым, Никита Сурнин подошел к краю провала и наконец разглядел место происшествия во всех деталях. Грунт в крайнем правом ряду проезжей части просел основательно. В прямоугольное корыто с иззубренными, неестественно деформированными Сумраком асфальтовыми краями по самую крышу рухнул пятиметровый «фольксваген транспортер». На первый взгляд машина казалась неповрежденной. Водителя за рулем не было, он явно остался жив и выскочил еще до того, как Никита шагнул в тень, замедлив течение времени. Сейчас с водилой, наверное, работают психологи МЧС, если мужик впечатлительный. Или просят подписать протокол суровые гайцы, если нервы у дядьки крепкие.

Тогда о каком убийстве идет речь?

До сего момента Сурнин, наслушавшись взаимных обвинений со стороны обоих Дозоров, представлял примерно такую схему развития событий: проклятый вампир, вообразив себя борцом-одиночкой, выходит на охоту. В ловушку попадает Виталий Подгорный – на погибель себе и своему недругу оказавшийся за рулем «фольксвагена». Пущенный Подгорным прощальный файербол... или что покруче... сжигает вампира на месте. Из офисов обоих Дозоров приходят осторожные рекомендации замять инцидент во избежание «дальнейшей эскалации напряженности». Дорожники, матерясь, приступают к ремонтным работам, Иные, призванные в оцепление, спокойно расходятся по домам.

Никита даже поморщился с досады, что такая стройная и логичная версия полетела в тартарары. В те самые, на которые указал ему временный напарник Саша Спешиллов.

– Надеюсь, сотрудники Дневного Дозора не будут делать скоропалительные выводы и принимать необдуманные решения, – многозначительно произнес Спешиллов, оставшийся в явном меньшинстве после ухода одного из оперативников.

– Что вы, Александр! – усмехнулся Темный и демонстративно залюбовался своими перламутрово светящимися ногтями, медленно сгибая пальцы. – Дневному Дозору все предельно ясно. Можете там всю неделю устраивать экскурсии для своих резервистов. Рад приветствовать в Центральном округе столицы очередного Светлого неудачника.

Перед тем как спрыгнуть вслед за Сашей, Сурнин обернулся. Но не на Темного провокатора – этих он в свое время повидал немало, а на оперативника, оставшегося их прикрывать. Короткий взгляд боевого мага говорил, что защищать своих парней будет до последнего, а при плохом исходе умирать намерен долго и с максимальным ущербом для противника. Все в порядке.

Никита прыгнул со стороны заднего бампера, прямо на белую полосу дорожной разметки, которая убегала из-под колеса «транспортера» и разбивалась о земляную стену. Никита коснулся стены рукой. Холодная грязь, гравий, сползший пласт асфальта, куски арматуры. Да уж. Повезло водителю.

– Нам сюда... – Спешиллов запнулся, молниеносным жестом фокусника явил из-за спины тонюсенький айфон с надкушенным яблоком на корпусе и быстро что-то глянул. – Никита Михайлович.

– Да можно просто Никита и на «ты», – отмахнулся Сурнин. – Так кто кого убил? И где?

– Там, – мотнул головой Спешиллов, протискиваясь между стеной и правым задним крылом «фольксвагена». – А непонятно! Я пока через Сумрак шел, глянул. Мутно как-то, надо еще раз, не спеша... Лезьте... Лезь за мной.

И только Никита хотел спросить, куда лезть, как стремительный Спешиллов нагнулся и исчез в каком-то лазе, который начинался в полуметре от пола. Чуть более габаритный Никита изрядно попыхтел, чтобы повторить Сашин маневр. Из лаза тянуло сыростью с легкой примесью нечистот. Через несколько метров, которые Никита, измазав брюки, преодолел на четвереньках, проход расширился и вдруг оборвался почти круглым отверстием. Никита вывалился в него, уже смирившись с мыслью, что окажется по колена в фекалиях. Но вопреки ожиданиям в сводчатом подземелье было почти сухо и довольно чисто, лишь где-то за толщей стен слышался едва уловимый шум воды. Подземный мир на верхнем слое Сумрака практически не изменился, лишь туман стелился под ногами и дрожала в тягучем воздухе неверная дымка.

– Мы метрах в десяти от цели, – сказал Саша, предупреждая вопрос. – Здесь рядом подземное русло Неглинки, – пояснял он на ходу, – и коллекторов куча, и подземных ходов немерено. Кажется, мы в одном из них. Говорят, ими вся Москва изрыта. Особенно – исторический центр... А мы ведь даже не

поздоровались, – вдруг сказал он, притормозил и качнул головой, – день сегодня чумной какой-то! Наверное, в таких случаях положено извиняться за беспокойство. Мы пришли.

– Здорово, Саша, мне очень приятно, извиняться не надо, раз пришли – давай осмотримся, – выпалил Никита в темпе спешиловской скороговорки. Он отряхнул руки и, догнав напарника, заглянул за поворот, за которым сводчатый коридор менял сечение на подковообразное, заметно сужался и уходил вниз.

Поперек прохода, широко раскинув руки, словно стараясь не пускать Светлых Иных в мрачные глубины исторических подземелий, лежал Виталий Подгорный. Его тело было буквально вколочено в пол. Какой силой должен был обладать Темный, чтобы выцарапать камень, уложить противника на лопатки и вбить страшное орудие убийства точно в сердце, переломав ребра и грудину взрослого мужчины, точно нежные сахарные косточки...

Казалось, Сумрак сыто урчит, получив запредельную порцию дармовой крови Светлого Иного. Трещины, разбегавшиеся от места убийства, были заполнены темными сгустками. Серая мгла ласково клубилась. А Никита еще удивлялся, почему ему так легко находиться в сумеречном мире! С непривычки он должен был пребывать сейчас на грани гипогликемической комы, несмотря на свой былой опыт. Вот и ответ – Сумрак проглотил больше, чем нужно, и раздаривал излишки.

– Где... – начал Никита, все еще сидя на корточках, и закашлялся. – Где второй?

– Дальше по коридору, – откликнулся Саша.

Никита отвел взгляд от искаленного тела и несколько секунд тупо наблюдал, как дозорный протискивается вглубь, инстинктивно прижимаясь спиной к влажной стене, чтобы не переступить через убитого. Никита молча поднялся и последовал его примеру.

Труп человека, о котором Спешилов заикнулся как о нелегальной жертве, обнаружился всего в паре метров, у самой стены. На вид парню, словно привалившемуся к ней от изнеможения, было не больше двадцати лет. В отличие от Подгорного, одетого в штормовку далеких стройотрядовских времен, поношенные черные джинсы и стоптанные кроссовки, на мальчишке был

новенький бундесверовский камуфляж и высокие ботинки на шнуровке. На шее болтался респиратор. Налобный фонарь сполз на лицо – видимо, в момент удара затылком о стену. Его линзу покрывала сеточка мелких трещин. Второй фонарь – ручной, длинный, черный и явно недешевый – валялся рядом, выпав из рук. Корпус смят, почти переломлен пополам. Скорее всего этот фонарь использовали в последний момент как орудие защиты. Не защитил тебя Свет, мальчик. Не защитил.

Никита вопросительно посмотрел на Спешилова. Тот понял правильно.

– Одежда цела, никаких следов укуса на шее, осматривали втроем, – кивнул он, сэкономив драгоценное время.

– Похоже, что его просто отбросило. Ударился затылком о стену... – предположил Никита.

– Похоже.

Саша нагнулся и внимательно осмотрел помятый ручной фонарь.

– «Маклайт», – констатировал он.

– И что? – спросил Никита.

– А он вечный! Фирма гарантирует, – чуть истерично усмехнулся Спешилов, – говорят, деньги вернут, если сможешь корпус сломать. Стоит как самолет. Его полицейские иногда вместо дубинки используют... В смысле, не наши полицейские... Диггеры его уважают. Вроде бы так.

– Полезная штука, – рассеянно согласился Сурнин и посмотрел на кучку пепла, рассыпанную на полу рядом с погибшим мальчишкой.

– Это упокоенный Матвей Корнеев, – пояснил Саша. – Его мы хорошо знаем. Хитер и стар, сволочь та еще. Грешки водились вроде охоты без лицензии – доказать не смогли. Силен, черт. Но чтобы настолько... Я не знаю. Тогда это месть и ритуальное самоубийство. К крови он не притрагивался.

- Что-то я не слышал о ритуальных самоубийствах вампиров, - заметил Никита.

- Я тоже не слышал. Это первый случай в истории, - не то спросил, не то констатировал Спешиков.

- Кинь запрос аналитикам.

- Да кинули уже. Там в офисе компы сейчас дымят, наверное, от перенапряжения. Ты куда? - спросил он.

Никита сделал несколько шагов в глубь подземелья.

- Хочу понять, откуда они пришли, - откликнулся он.

В нескольких шагах впереди валялась пластиковая бутылка с водой, которую обронил парнишка или сам Подгорный - вампиру, понятное дело, водица была без надобности. Дальше коридор уводил в паутину подземелья. Из его глубин тянулась отчетливо видимая в Сумраке вампирья тропа - энергетический след, оставленный неслышно ступавшей нежитью. Метрах в пяти валялся брошенный рюкзак - новенький, весь в ремешках и шнуровках, насколько функциональный - неизвестно, но на первый взгляд очень навороченный. Сразу понятно, чья вещь. Мальчишка или швырнул им в преследователя, или скинул на ходу, чтобы бежать быстрее. От кого? И за кем? За Подгорным, наверное. Тот шел впереди, а Студент (почему-то Никита был уверен, что парень - студент) притормозил, решил водички попить, скинул с плеча рюкзак, достал бутылку, а потом что-то такое увидел, что заставило его заорать и рвануть за провожатым, теряя снаряжение. Подгорный, естественно, обернулся на шум, увидел, как мальчишку настигает вампир Матвей Корнеев, и кинулся на помощь.

Ну а дальше как по нотам: в мага летит кирпич, брошенный, надо заметить, с нечеловеческой силой, в вампира - заклятие. Студента отбрасывает. Иные, оказавшиеся равными по силам, одновременно погибают. Нечасто, конечно, но такое бывало. Можно идти домой, тайна подземелья разгадана. Непонятно только, чего их всех сюда понесло.

- Саша, а чего их сюда понесло? - вслух спросил Никита, вернувшись к месту схватки.

– Так они диггеры! – пожал плечами Спешиллов, внимательно осматривавший дефект в старинной кладке – пустую ячейку, оставшуюся из-под выломанного кирпича. – Насколько я знаю, Неглинка и все, что вокруг, – излюбленные места их тусовок. Тут где-то залаз есть. Говорят, через кафе. А может, издалека пришли – с заброшенки какой-нибудь перлись. Но посуху. И в воду лезть не собирались – иначе бы Подгорный химзу надел и болотные сапоги, а не кроссовки.

В голосе Саши сквозило еле уловимое удивление – мол, стыдно, дедушка, элементарных вещей не знать. Никита прикусил губу. Нет, кто такие диггеры, он, конечно, знал прекрасно, но на мгновение почувствовал себя невероятно, безнадежно старым. «Еще только сорок, а как накрыло, – вяло ругнулся он про себя, – дальше – больше? И как с этим борются многоуважаемые мэтры, дожившие до наших дней? Как справляются те, кому лет по четыреста? Да ладно четыреста, хотя бы сто двадцать. Если бы еще вокруг постоянно одни и те же лица были, как-то можно понять – тайный клуб избранных, смирившихся с судьбой, отдалившихся от мира и живущих по своим законам... Так нет же! Иные приходят, уходят, погибают, переходят из отдела в отдел, переезжают в другие страны, в Инквизицию некоторые подаются, в конце концов. И все это время люди мечутся от Тьмы к Свету и обратно. Допустим, первые сто лет ты на это смотришь с интересом. А например, на двести семьдесят третьем году жизни как у тебя крыша не едет...»

– Саша, – негромко сказал Сурнин, – я давно в поле не работал. Ты можешь сказать, чем Виталий вампира размолотил? Может, какие-то подвешенные заклинания след оставили – Сумрак нынче переел... Ты не видишь?

– Нет. Не знаю. – Саша сощурился и с сомнением покачал головой. – Я слышал, что нерастраченные заклинания опытных магов могут некоторое время оставлять в Сумраке энергетический всплеск, но никогда такого не видел. И потом, чего тут мудрить? Я бы в такой ситуации, не задумываясь, сначала печать сдернул, а потом обвинения предъявлял. Типа «попытка неразрешенного взаимодействия с человеком», самооборона и все такое прочее. Если он один и кидается, как дикий, что тут можно придумать? «Серый молебен» разве что... Так он в округе еще кого-нибудь зацепит. Это ж как площадная артиллерия! Как жажнет посреди города – запаришься с начальством объясняться. И не только со своим.

Вполуха слушая напарника, который хоть и был чуть более многословен, чем нужно, говорил, несомненно, дельные вещи, Никита натянул на пальцы рукав ветровки, чтоб не оставлять полиции лишних отпечатков, подобрал с пола хваленый «Маклайт» и взвесил в руке – тяжелый, килограмма полтора, наверное...

На искалеченное тело Виталия Подгорного Сурнин старательно не смотрел. От одного взгляда в ту сторону к горлу подкатывал тяжелый ком – не то тошнота, не то просто тоска смертная. Сурнин опустил на колени возле грязной кучки. По всей вероятности, Матвея Корнеева размолотило в нескольких шагах от погибшего студента, и это косвенно доказывало, что вампир в тройке шел последним.

Секунда – и Саша уже сидел на корточках рядом с Никитой.

– Что здесь не так? – почти резко спросил он.

Все-таки парень не первый день работал. Умел быть жестким, когда надо. И кое-какой багаж имелся, и кое-какой опыт за плечами. И если до сих пор «не перегорел» и до третьего уровня дорос, а начальство доверяет такие дела распутывать, как сегодняшнее, – далеко пойдет молодой Светлый маг Александр Спешиллов.

– А все не так! – с чувством сказал Сурнин.

Никита брезгливо разворошил слепым концом фонаря рыхлую кучу праха. От прикосновения вспорхнули и закружились, опускаясь, легкие лепестки пепла. Завоняло паленым тряпьем. Под слоем трухи блестели золотые чешуйки, перекатывались обугленные комья и тонкие черные волокна, напоминавшие подгоревшую мясную поджарку. Или как это у них, у кулинаров, называется...

– Саша, ты когда-нибудь убивал вампира? – спросил Сурнин.

– Нет, не доводилось. Вампиры же у нас раритет, их в Красную книгу скоро занесут как редкий исчезающий вид. Их попробуй тронь.

– Да, вид редкий. И пакостный.

Никита вспомнил искаженное трансформацией лицо, нечеловечески стремительный бросок, секундную оторопь и тянущее, почти болезненное прикосновение невесомой нити регистрационной метки, которую он нащупал, потянул... Какие-то доли секунды Никите казалось, что все наоборот: что это его умершее от страха сердце сковано светящейся печатью, а бросившийся вампир вот-вот активирует ее, обратив человека в прах. Беззвучный приказ отдался в голове гулким хлопком...

И дальше – обрывочно: вырвавшееся на свободу голубое пламя, растекающийся скелет, в который обращается нежить, и дикий, звериный вой мамыши этого вампира, скрученной оперативниками.

История вообще была грязная какая-то с самого начала – одно слово, темная история. Не совсем законно инициированная вампирша, которая от извращенной любви покусала собственного ребенка. Ребенок, который вырос и заставил мамашу искупать вину – лечить себя от вампиризма. Где-то он вычитал, что если вампира надолго запереть – тот перебесится и сможет обходиться без чужой крови.

Кончилось тем, что сыночек, оголодавший до кровавых видений, выломился на свободу, а мамаша на него донесла. В результате Светлые и Темные дозорные полночи гонялись за ним по дворам, железнодорожным путям и крышам гаражей. Светлые догнали первыми. Ледяное покалывание в пальцах и тянущее ощущение, оставшееся в груди от нити регистрационной метки, Никита запомнил на всю жизнь.

Сурнин что-то поддел концом фонаря, перевернул «Маклайт» и наудачу щелкнул переключателем. Фонарь работал! В световом круге лежала оплавленная застежка наручных часов.

– И никаких фрагментов одежды, украшений, а тем более – горелых комьев после того, как отработала регистрационная метка, от них не остается! – уверенно заявил Никита. – Если, конечно, это не Высший вампир.

– Нет, не Высший, – подтвердил Спешиков.

– Идем на второй слой, Саша. Надо осмотреться. Подозрительно это все. Какое-то у меня неприятное ощущение. Словно вампир еще жив.

Впервые с момента знакомства Саша посмотрел на него оценивающе. До этих слов он не сомневался в правоте того, кто посоветовал ему взять Никиту Сурнина в качестве напарника и внимательнейшим образом изучить место происшествия.

– Мы с ребятами на втором слое были, – веско сказал он. – Опаздывали, шли через него.

– И что?

– То же самое, кучка праха. И вампир этот не жив. Он лет семьдесят как мертв.

– Значит, надо глубже, – сказал Сурнин.

Саша с сомнением покачал головой, задумчиво коснулся маленького золотого колечка в ухе. С серьги на пальцы прыгнуло размытое пятнышко света, убежало на рукав плаща и растаяло где-то под мышкой. Никита невольно улыбнулся. Спешиллов отрицательно качнул головой.

– Время! – многозначительно сказал он. – Велихов может заподозрить, что дело сложнее, чем кажется.

– Кто?

– Дневной Дозор, – напомнил Спешиллов. – И потом... Надо передохнуть и кое-что прояснить... Вдруг придется лезть еще дальше. Я на четверке ни разу не был, хотя сегодня шанс есть.

Никита тихо ругнулся одними губами. Захваченный водоворотом событий, он совсем забыл о Темном Ином с полированными когтями, поджидавшем наверху. И о том, что давно не является действующим сотрудником Ночного Дозора. Ласковый от крови Сумрак задурил ему голову. А ведь на выходе из метро Сурнин и на первый его уровень шагнул не без труда. Тень, сорванная со спины полицейского, казалась непомерно тяжелой.

И что это за словечки такие нарочито неуважительные: влезу, четверка... Интернет-жаргон какой-то – «ржунимагу». Впору начинать ворчать: «А вот в

наше время...»

– Нет, не пройду, наверное, – сказал он вслух. – Ты прав, Саша. Забыл я о Когтистом со всей его оравой. Кто знает, заметят они, что мы тут в глубоких слоях копошимся, или нет. Да и полицию пора пускать. Студента нашего родители обыскались, – закончил он, поднялся, выключил фонарь и бережно положил рядом с трупом мальчишки.

– Ментов – рановато, – мрачно и нарочито грубо ответил Спешилов, – наша команда зачистки на подходе. Труп Подгорного ментам видеть ни к чему. На фиг им такие загадки!

«Не ругайся, Саша, тебе это не идет», – так и подмывало сказать Никиту, но он благоразумно промолчал. Они друг за другом выбрались из подземелья к провалившемуся «транспортёру». Саша как-то хитро растопырил пальцы, прыгнул вверх и по-вампирии взлетел на край ямы. Его плавный и стремительный взлет в давящем свете Сумрака выглядел очень эффектно. Никита этого заклинания не знал. Он выкарабкался, цепляясь за куски арматуры, а у поверхности аккуратно, чтобы не продавить, оттолкнулся ногой от крыши «фольксвагена».

– ...вы и зачищайте, – говорил когтистый Велихов, скорчив брезгливую гримасу. – Сами нагадили – сами разгребайте! Еще поплатитесь за Корнеева несколькими вмешательствами четвертого уровня, – пообещал он, развернулся и махнул своим. – Снимаем оцепление! Инцидент исчерпан.

Саша оглянулся и подмигнул Сурнину – прокатило! Темные не переработают, на этом он их и подловил. Если бы в подземелье одновременно спустились две команды зачистки противоборствующих сторон – еще неизвестно, не заметил ли бы там кто-нибудь чего-нибудь подозрительное. Саша поднял вверх большой палец, Никита кивнул, отошел в сторону, тяжелая тень с готовностью улеглась под ноги, и он без особых усилий переступил через нее, возвращаясь в обычный мир. Почти как в былые времена. Саша встретил своих, отпустил оцепление, прикрыл лаз «сферой невнимания» и шагнул к Никите в реальный мир.

– А знаешь, мне иногда кажется... – запанибратски начал он, запнулся, словно что-то вспоминая, и вдруг резко, без предварительной подготовки, перешел на официальный тон. – Никита Михайлович, благодарю вас за содействие Ночному

Дозору. Дальнейшее расследование инцидента может угрожать вашей жизни и безопасности и будет проводиться силами штатных сотрудников.

Память у парня была отличная. В нужный момент скороговорки подходящих случаю формулировок сыпались из него как из рога изобилия. Выпаливал их Александр Спешиллов без всяких видимых усилий и наверняка не особо мучился, зазубривая всю эту пафосную канцелярщину. Сурнин помолчал, покачал головой, смерил напарника взглядом. Хорошее поколение Next подросло в Ночном Дозоре... Ему вдруг представился угловатый кирпич, вбитый в Сашину грудь, и растерянная улыбка, гаснущая на окровавленных губах.

– Вот что, Александр... Мы ответственны за тех, кого мобилизовали, – заявил Никита, перефразировав известное выражение. – А позвони-ка ты начальству.

– Какому начальству? – слегка растерялся Спешиллов.

– Тому, которое тебе велело найти меня в оцеплении.

– Н-ну, я не уверен, что могу беспокоить Антона Сергеевича... – забормотал Спешиллов и смущенно завертел в руках свой изящный серебристый айфон. – Это ведь не дежурный звонил...

– Просто набери Городецкого и дай телефон.

Никита уверенно протянул руку. После нескольких секунд колебаний Саша подчинился.

– Здравствуй, Антон, это не Саша, – сказал Сурнин в трубку, наблюдая, как у дозорного, стоявшего напротив, округлились глаза, – да, давно не виделись... Не все так просто – слабо сказано... Для начала снять Спешилова с патрулирования. Мы еще раз осмотримся... Да там кровящи налито – до утра можно по всем слоям разгуливать без всякой подготовки!.. А кто непосредственно руководит?.. Хорошо, ему и доложим... И тебе успехов, Антон... Сейчас передам. Держи! – Никита вернул айфон законному владельцу. Тот несколько раз сказал в трубку: «Да, конечно» и «Да, я вас понял, Антон Сергеевич» – и задумчиво погладил пальцем потемневший экран.

– Никита Михайлович, а какой уровень у вас был во время работы в Дозоре? – осторожно спросил Саша, бережно убрав во внутренний карман плаща свой ненаглядный гаджет. Интеллигентный парень. В последний момент все-таки сумел заменить вопрос, готовый сорваться с губ, на нечто более безобидное.

– Давно знакомы, Саша. С начала работы Городецкого в Дозоре, – улыбнулся в ответ Сурнин. – Третий уровень, – добавил он. – Ну что, здесь будем ждать или посидим где-нибудь, обсудим ситуацию?

– Пойдем к метро, – предложил Саша. – Там кафешки какие-то. Чем под дождем стоять, лучше присядем.

– Пошли, – согласился Никита. – Я только сделаю еще один звонок.

Пока Сурнин звонил жене и неумело врал про старого знакомого, который зазвал его провести ночь за бутылкой вискаря, да так, что Никита не смог отказаться, непривычно степенный Спешиллов молча шагал рядом.

Кофейню они выбрали некурящую, быстро придя к взаимопониманию в этом вопросе: Саша изредка баловался, но не курил, а Никита давно бросил. Светлые Иные расположились за столиком у окна. К вечеру пошел морозящий дождь, и смотреть сквозь мокрое, немного запотевшее стекло за медленно проплывавшими по улице машинами и размытыми тенями людей было все равно что подглядывать из Сумрака за оживленной улицей. Никита оглянулся по сторонам: обычное кафе, стены на месте, воздух прозрачен, люди рельефны, над головой – потолок, с которого льется ненавязчивая музыка, вплетаясь в ровный шум голосов. От чайничка с имбирным чаем, поставленным перед ним официантом, поднимается легкий ароматный парок. За соседним столиком хохочут какие-то девчонки, по очереди заглядывая в планшет.

«Нет, я вышел, все нормально, – подумал Никита, – никаких болезней новичков».

Он посмотрел на стеклянную сахарницу, прислушался к своим ощущениям. Ни звона в ушах, ни головокружения, словно и не было у дозорного Сурнина никаких перерывов в работе. Никита налил себе чай и оставил сахарницу стоять на своем месте. Нет поводов для паники – незачем портить напиток.

Александр Спешилов сидел напротив, обнимая ладонями большую чашку дымящегося кофе.

– Я вам все планы на вечер испортил, – сказал он, с трудом пробиваясь сквозь неловкую тишину.

– Да не было особых планов. Мы ж вроде на «ты», – напомнил Никита.

– Ах да, – вспомнил Саша и замолчал.

– Саша, ты случайно не знаешь, что это за киберженщина со мной сегодня из офиса разговаривала? – спросил Сурнин, уводя разговор в сторону от скользких тем. – Раньше всегда оперативный дежурный звонил.

– А-а, автоответчик? – заулыбался дозорный. – Это у нас одну продвинутую девушку в прошлом году в офис взяли. Очень в Дозор просилась. Посадили ее на второй этаж, думали, как подружек найдет, так от всех и отстанет. А она освоилась, заявила, что у нас все устарело, и давай новаторские идеи в массы двигать. Штуки по три в месяц. Галина, секретарь Бориса Игнатьевича, просто вешается. Она ей все проекты распечатывает, в бумажных папках на стол выкладывает и еще на почту электронную версию скидывает. В итоге автоответчик начальство разрешило в порядке эксперимента, но патрулям, как и раньше, всегда звонят лично.

– Предупреждать надо, – улыбнулся Никита. – Так что тебе кажется? – спросил он.

– А что мне кажется? – переспросил Саша.

– Ты начал разговор со слов «знаешь, мне кажется», перед тем как превратился в ходячий справочник «Этика сотрудников Ночного Дозора при контактах с людьми и Иными».

Саша небрежно махнул рукой.

– Да так, ерунда. Я хотел сказать, что вампиров, возможно, не так уж мало. Я интересовался вопросом. Их за последние тридцать лет по Москве и области

больше сотни перебили, а судя по количеству выданных лицензий, существенного снижения популяции что-то не наблюдается. Я лично в оцеплении еще одного видел. Если он такой редкий, что не тронь, почему они его в такое опасное место направили – не постеснялись? Дневной Дозор нам голову дурит с этой малочисленностью. Липа! Правильно?

– Не знаю, Саша, – задумался Сурнин. – Вряд ли. Вампиры в большом количестве – голодное, жадное и неуправляемое зло. Это и самим Темным не на руку. Скорее всего Дневной Дозор их численность регулирует, и популяция в самом деле невелика, но старательно поддерживается на одном уровне. Ладно. Вернемся к нашему вампиру Матвею Корнееву. Что ты об этом думаешь?

– Я думаю, что выдирать из стены старинные кирпичи и метать их в противостоящего тебе Светлого Иного четвертого уровня Силы – это как-то сильно-больно-кудряво. Корнеев время терять не стал бы. Он бы сам бросился, пока противник опомниться не успел. Сдается мне, вампир в Сумраке быстрее кирпича, – серьезно сказал Спешиллов.

Несмотря на весь трагизм ситуации, Никита не выдержал, фыркнул и тихонько рассмеялся, чуть не брякнув кружкой о стол.

– А-а, Саша! Ты хоть раз запиши себя на диктофон и послушай, – посоветовал он.

– А что, не быстрее? – нисколько не смутился напарник.

– Еще как! Меня форма подачи информации забавляет.

– Ну, тут я по-всякому могу, – признался Спешиллов. – У меня отягчающее обстоятельство – бабушка филолог, всю жизнь преподавала. И мне – тоже, по инерции.

Сошли под землю как-то раз

вампир,

и человек,

и маг Подгорный,

Опасный заключив союз, —

нараспев продекламировал он и вопросительно посмотрел на собеседника, которому предлагалось оценить экспромт. Никита только головой покачал.

– Допустим, союз – это так, для красного словца, – легко согласился Саша, – и последовательность скорее всего была такая: маг-человек-вампир.

– Кстати, маг, – подхватил Никита, – этот Виталий Подгорный – сотрудник Дозора?

– Нет, он из ваших. Но персонаж очень известный. Странно, что ты о нем не слышал, – начал Саша, споткнулся на полуслове и покраснел. Никита хотел переспросить: «Из каких это из наших»? Но сообразил, что Спешиллов имеет в виду бывших сотрудников, по каким-то причинам оставивших службу в Дозоре, и тоже промолчал.

– Извини, – сказал Александр.

– Да не за что извиняться, – отмахнулся Сурнин. – Так что это за легендарная личность – Виталий Подгорный?

– Н-ну... сказок-то про него всяких кучу рассказывают, а на самом деле... Щас!

Никита уже понял. Раз прозвучало фирменное укороченное «щас», значит, через секунду на свет явится серебристый айфон с надкушенным яблоком на корпусе, наглядно иллюстрируя расхожее мнение, что фирма «Apple» сделала миллиарды на амбициях молодежи. Саша с воодушевлением листал страницы, решительно отбрасывая лишнее стремительным и в то же время ласковым прикосновением пальцев. А Сурнин еще плечами пожимал, увидев как-то репортаж о фанатах, с ночи занимавших очередь за новой моделью.

Он осторожно поинтересовался.

– Не, – мотнул головой Саша, не прерывая своего занятия, – я за новой моделью в Европу ездю, в «Apple store». Там продажи раньше стартуют, и народ в очереди интереснее. Ну и вообще прикольно: колбаски мюнхенские, пиво, треп разный

всю ночь, подлинное перемирие Темных и Светлых и всеобщее единение с людьми. Так. Нашел досье, что-то долго грузится. Что у нас с офисной сетью сегодня?

Вот, значит, как... В Европу – за модным девайсом наперегонки с Темными. Никита мысленно схватился за голову. В далекие восьмидесятые его мама презрительно сказала бы: «Вещизм». В лихие девяностые, когда он начинал службу в Дозоре, коллеги заявили бы: «Роскошь – зов Темной стороны». А сейчас хоть бы что! Парень светлее светлого, подсел – не отдерешь, кучу бабла просаживает... И никого вокруг это не волнует. Жизнь – странная штука.

– Есть! – просиял Саша. – Светлый Иной Подгорный Виталий Всеволодович, одна тысяча девятьсот двадцать восьмого года рождения. Так... родители умерли от тифа. Сын полка в Отечественную. Инициирован в 1947-м, в госпитале, куда попал... Ладно, это не интересно. Уволился из армии, учился, женился, проживал, развелся, дети – без способностей, не общался... Спелеолог. Вот! – Саша поднял вверх указательный палец. – С 1958 по 1988 год – сотрудник Ночного Дозора города Москвы. Боевой маг четвертого уровня Силы. В 1988-м неожиданно ушел из Ночного Дозора. Мотивация: Иной не может причинять вред не только человеку, но и другому Иному либо должен противостоять ему в честном поединке. Иной обязан всеми способами служить прогрессу и науке. О! – Саша поднял глаза. – Классический шестидесятник, – пояснил он. – У меня дед такой был – один в один, только обычный человек. Так, дальше... Пил, бросил, уезжал, вернулся... С 1992 года прибился к диггерам и с тех пор жил тем, что водил под землю всех желающих за небольшую плату... Договор не нарушал. Но регулярно препятствовал Темным Иным в деле привлечения людей и склонения их к самопожертвованию ради процветания Тьмы. Хм... Интересно... Как это ему удавалось отговаривать влюбленных в вампиров девчонок отдаться без лицензии? И что он такое сектантам говорил, что они из-под земли возвращались на сторону Света? Крутой дядька. Но со странностями. Считал противостояние сил Света и сил Тьмы бессмысленным. Не раз утверждал, что настоящая война должна вестись Словом: чем больше людей удастся убедить стать лучше, тем меньше шансов у Темных... Я тебе сейчас скину на почту, можешь почитать потом подробнее. – Саша выпрямился и выжидательно посмотрел на Никиту.

– Странно, – сказал Сурнин. – Я всегда считал, что диггеры – под патронатом Темных. Разве нет?

– Так и есть, – подтвердил Спешилов. – Но Подгорный в Темные компании не лез, чтобы там шороху не навести и Договор не нарушить. Он от них людей уводил. Типа, хочешь приключений – лезь со мной, а не с ними. Если у человека геолого-разведывательный факультет за плечами и он по всем пещерам бывшего Советского Союза лазил, представляешь, сколько он всего мог рассказать? С ним, наверное, под землей очень интересно бродить... Было.

– Н-ну... На мой взгляд, здесь скорее историческое образование пригодилося бы, – неуверенно сказал Никита.

Саша пролистал еще несколько страниц.

– Нет исторического образования. Но вот тоже интересно: в местах традиционных залазов московских диггеров всегда оставлял визитки с телефоном и предложением позвонить, если под землей что-нибудь случится.

– И что, звонили?

– По нашим данным – не меньше десяти человек спас. Кого вывел, кого вытащил. Несколько спасательных операций – совместные со спасателями МЧС. Одна – совместно с Темными Иными... Ух ты! В феврале две тысячи второго – победа над Темным Иным в поединке. Наблюдатели от Дневного Дозора и Инквизиции претензий не предъявили. Крутой мужик, – повторил Саша и замолчал, уставившись в чашку с недопитым кофе.

Никита провел ладонью по лицу. Свет и Тьма! Какой вампир?! Какие вмешательства разных уровней? Да за одного Виталия Подгорного надо взвод Темных положить, чтобы хоть как-то удержать зыбкое равновесие Великих Сил!

– Странно все это, – нарушил молчание Спешилов. – Светлые под землю спускаться не очень любят. Там Темные сильнее – их территория, вся отрицаловка туда течет. Не зря люди в легендах и сказках зло всегда под землю загоняли. Если обычные люди чувствуют... Почему Подгорный такую профессию выбрал, а потом такое хобби?

– Это не хобби, Саша, – задумчиво возразил Сурнин. – Это служение силам Света. Как он его понимал.

– Все равно странно.

– Знаешь, когда уходишь из Дозора, все кажется пустым, бессмысленным. Впереди очень долгая жизнь, которую надо чем-то заполнить, кроме алкоголя. Это его выбор.

Саша вздохнул, выпрямился, открыл рот, чтобы что-то возразить, но вовремя прикусил язык.

– Итак, рабочие версии, – решительно предложил Никита. – Ты у нас – активный состав Ночного Дозора, тебе и начинать.

– Версий нет, но картина происшествия вырисовывается, – оживился Александр. – По крайней мере та, что лежит на поверхности. Мальчик из хорошей семьи поступил в институт и попал в плохую компанию.

– Почему сразу в плохую? – улыбнулся Никита, прихлебывая терпкий чай. Слова «мальчик из хорошей семьи» из уст взъерошенного парня с серьгой в ухе, сидящего напротив, прозвучали слишком по-взрослому. Чувствовалось воспитание бабушки-филолога.

– Хорошо, – согласился Саша, – скажем... э-э... в разгульную. Так пойдет?

Никита кивнул.

– Так вот. Те сводили его сначала на заброшенку. Нашему Студенту понравилось. Он закупил снарягу, вообразил себя диггером, Темные Иные начали к нему подбираться, присматриваться. Тут на сцену вышел Виталий Подгорный, сказал: «Давай лучше со мной», убедил, и Студент прибил к нему. Сегодня был плановый заезд – парень экипирован что надо, явно готовился. Подгорный шел впереди, Студент – за ним. Ловил адреналин и не заметил, как следом увязался Матвей, который, как мы знаем, не прочь был поохотиться без лицензии. А где это проще сделать? Там, где позиции Светлых слабее, то есть под землей. Студент остановился водички попить и поправить снаряжение, снял рюкзак, почувствовал неладное или услышал зов, обернулся, увидел Матвея в трансформации, заорал и в ужасе кинулся к проводнику.

– Погоди, Саша, не части, – перебил Никита. – Студент – обычный человек. Ни фига бы он не заметил вампира в Сумраке и пикнуть не успел бы... Если наш Матвей не законченный идиот и не шел по пятам за жертвой, скрежеща когтями по стенам и завывая дурным голосом.

– Ага... – Саша задумался и принялся водить кофейной ложечкой по салфетке. – Значит, это Виталий почуял вампира, крадущегося за подопечным, крикнул Студенту «делать ноги», развернулся и бросился на помощь. Дальше скоротечная схватка Иных. Всплеском Силы Студента отбрасывает к стене, он ударяется затылком и погибает. Вообще, насколько я представляю, диггеры обычно каски надевают, так?

– Да кто их знает, – пожал плечами Никита. – У Подгорного каски не было, но я думаю, он мог себе позволить разгуливать под землей как пожелает. А Студент, наверное, не сообразил или не успел каску купить – денег не хватило. Ты ж сам сказал: один «Маклайт» чуть не три штуки стоит...

– Ага, – повторил Саша и аккуратно положил ложечку на блюдце. – Ладно. Каска – это мелочи. Есть два момента, которые в картинку никак не укладываются: способ убийства – кирпич и останки вампира, которые, как ты говоришь, должны представлять собой однородный прах.

– Угу. Кстати, Студента мог и Матвей отшвырнуть, чтоб не путался под ногами, – предположил Никита.

– Нет, – упрямо мотнул головой Спешиллов, – все произошло мгновенно. Человек ему не опасен. Имея перед собой такого противника, как Подгорный, вампир бы о Студенте временно забыл. Что скажешь? Годится доклад?

– Для предоставления в офис Дневного Дозора – вполне. И знаешь, первая половина и меня вполне устраивает. Связка действительно была именно такой: Подгорный – Студент – Матвей. Только не надо забывать, что Подгорный в прошлом опытный оперативник, почти тридцать лет отработавший в Дозоре. Он почуял бы вампира раньше. Почему-то он позволил Матвею идти рядом со Студентом. И погиб не от руки Матвея Корнеева, – уверенно сказал Сурнин. – У тебя какой уровень, Саша? – неожиданно спросил он.

– Третий.

- Давно?

- Два месяца.

- Полгода назад ты позволил бы вампиру преследовать тебя и твоего спутника в длинном пустом коридоре, оставаясь невидимым до последнего момента?

- Нет, - уверенно ответил Александр, - я бы почувствовал.

- У Подгорного четвертый уровень Силы, - напомнил Никита. - Да, он давно не в Дозоре, кое-что растерял, но потенциал никуда не делся. И с Темными под землей Виталий пересекался едва ли не чаще, чем наши патрули - на улицах.

Никита хотел уточнить - «ваши патрули», но плюнул и не стал.

- Там был еще кто-то, - нехотя произнес он, - кто-то, кто существенно превосходил в Силе обоих: опытного вампира и не менее опытного Светлого Иного.

- Мистер Икс в черной маске? - недоверчиво ухмыльнулся Александр. - Который легко тянет на первый уровень, а дерется кирпичами? Загадочно.

- Пусть будет мистер Икс, - согласился Никита. - Пойдем осмотримся еще раз, - сказал он, взглянув на часы, и встал из-за стола.

На улице стемнело, фонари разгорелись, лужи на асфальте серебрились от бликов, и плавающие в них желтые листья словно залило жидким стеклом, по которому часто и мелко барабанили капли. Сурнин накинул капюшон ветровки, Саша поднял воротник плаща, и они почти в ногу зашагали обратно к месту происшествия.

Сотрудники экстренных служб сегодня не отставали от Иных в оперативности: несчастный «фольксваген» вытащили из провала и погрузили на эвакуатор. Автокран как раз отъезжал, работники дорожных служб, вспыхивая в свете фар люминесцентными полосами на жилетах, огораживали опасный участок. Гаишники, повелительно взмахивая волшебными жезлами, растаскивали пробку. Машины перестали недовольно взрывать гудками и начали медленно

расползаться.

Толпа, не пожелавшая мокнуть под морозящим дождем, практически рассосалась, а взгляды немногочисленных оставшихся зевак были прикованы к происходящему, так что войти в Сумрак незамеченными Светлым магам не составило никакого труда.

К моменту, когда Саша с Никитой подошли к яме, команда зачистки Ночного Дозора уже покинула место происшествия. Та еще работенка для Светлых Иных. Она в обязательном порядке входит в практику для всех новичков, приходящих в Дозор, как самая эффективная шоковая терапия от пьянящего ощущения собственной избранности. Как говорится, результат превосходит ожидания. И само мероприятие препротивнейшее, и осадочек потом мерзкий, и гарантированная потеря нескольких килограммов живого веса. По крайней мере на тогда еще совсем юного и весьма впечатлительного Никиту Сурнина любая еда несколько дней действовала как рвотный порошок.

Спешилов эффектно спланировал вниз, увлекая за собой клубящийся язык Сумрака. И у Никиты словно щелкнули над ухом невидимым переключателем. Он неожиданно вспомнил просторную аудиторию в офисе Ночного Дозора, короткое напутствие наставника и ощущение плавного взлета-падения во время работы заклинания. Но экспериментировать не стал – просто прыгнул с осевшего пласта асфальта на растрескавшуюся разметку, белевшую на дне провала. Сумрак и так с непривычки немного замедлял движения, а высота была небольшой.

– Слушай, Саша, а это не наша троица пробила лаз? – спросил Никита, повторно осмотрев осыпавшиеся края. – В надежде удрать от мистера Икс?

– Нет, – уверенно сказал Спешилов. – Подземелье трянуло, земля просела, часть каких-то старых ходов вскрылась. Никакой магии – одни последствия! Зато внутри вся кладка в сеточках свежих трещин – жажнуло там неслабо. Ладно, полезли. Заодно проверим, смогли наши кровь отмыть так, чтоб судмедэксперты не заметили, или нет. Дело непростое. Сам как-то трижды перемывал с применением всех положенных заклятий – еле успел до ментов.

Саша проворно нырнул в лаз и вывалился в уже знакомый коридор со старинным арочным сводом. Никита спустился за ним следом. Тела Подгорного на месте не оказалось, мусора, оставшегося от упокоенного Матвея Корнеева, – тем более.

Вампирья тропа выцвела и едва-едва угадывалась. Саша присел на корточки там, где она обрывалась, и послал по следам нежити ручеек голубого пламени, окончательно уничтожая следы. Только бедолага Студент по-прежнему полусидел-полулежал у стены, неестественно подвернув ногу.

Саша старательно прошел по исчезающим следам, ненадолго замешкался в проходе и через несколько минут вернулся к месту схватки.

– Каска в рюкзаке, – мрачно констатировал он, засунув руки в карманы и разглядывая носки ботинок, – я проверил. Наверное, участок показался ему безопасным, а в каске с непривычки тяжело весь день... Больше ничего нового. Что ты хотел здесь найти, Никита?

– То, что осталось от вампира в более глубоких слоях. Неубедительно звучит, да?

Спешилов промолчал. Никита нагнулся, аккуратно передвинул и включил валявшийся фонарь так, чтобы тот светил в спину. Саша встал рядом.

Эта тень не была так угодливо-послушна. Она тянулась и тянулась с влажного пола подземелья, храня за семью печатями нечеловеческие тайны глубоких слоев Сумрака. И Никита не шагнул в нее, а медленно продавил, ступив в мертвенное подлунное пространство. Три луны – белая, желтая и алая – царствовали в пыльно-сером небосводе, не подозревая о том, что где-то очень далеко, в человеческом мире, их должен был скрывать арочный свод древнего подземного хода.

Коридор расширился. Высокие стены, сложенные из кирпичей звездчатой формы, пригнанных друг к другу без малейшего зазора, покоились на мощных опорах, которые тонули в зыбкой глубине. Пересохшие лианы причудливо извивались под ногами, свисая со стен мрачного лабиринта. И где-то совсем рядом таилась Тьма. Никита чувствовал ее давящую мощь, готовую в любой момент наполнить своих адептов в благодарность за служение. Сказки не лгут. Светлым Иным нечего делать под землей. Пролитая сегодня кровь не только напоила и умилостивила Сумрак, но еще и взбудоражила Великие Силы.

Сурнин повернул голову. Саша стоял в шаге от него. Его темно-синий плащ словно забрызгали известкой, а потом небрежно отряхнули. Серьга в ухе горела тусклой белой звездочкой, подсвечивая ушную раковину. Мультишный леопард с

розовым ухом! В другой раз Никита не удержался бы от улыбки. Но невесомые гибкие иглы вампирьей метки царапали кончики пальцев, и где-то совсем близко горела голубым пламенем печать, заставляя сердце испуганно сжиматься в ожидании смертоносного броска. «Нет. Я не могу так ошибаться, – подумал Никита. – Если это всего лишь пресловутые “травматические воспоминания”, значит, мне нечего делать даже в оперативном резерве». Он оглянулся по сторонам – никого. Еле угадывающиеся прикосновения беспокойной иглолочки затихали в пальцах и в сердце.

– Здесь все чисто, мы смотрели, идем глубже? – спросил Спешилов. Для новоиспеченного мага третьего уровня, находящегося на втором слое Сумрака, вид у парня был вполне бодрый. Но слегка озадаченный. – Мы еще одного вампира ищем?

– Почему еще одного? – рассеянно переспросил Никита, окончательно запутавшись в своих мыслях и ощущениях.

– Матвей упокоен, – уверенно сказал Саша. – Теперь и праха от него не осталось. Его там нет. Так что?

– Идем глубже, – сказал Никита, упрямо склонив голову.

Спешилов пожал плечами, но возражать не стал.

На третий слой Сурнин вполз на четвереньках в самом что ни на есть прямом смысле слова. Сумрак выдавливал его обратно, как инородный предмет, не желая признавать за Иным, отрекшимся от судьбы волшебника, права распоряжаться глубинными течениями. Никита не рассчитал усилия, на миг где-то далеко внизу блеснули разноцветные песчинки четвертого слоя, дохнуло в грудь обжигающим ледяным ветром. Никита испуганно попятился, снова рванул вперед в расползающиеся лохмотья собственной тени и, тяжело дыша, грохнулся на колени.

– Мы на третьем? – тупо спросил он и помотал тяжелой головой.

– Да, ты как? – тут же откликнулся Саша.

– Ничего. – Никита схватился за протянутую руку и, пошатываясь, поднялся на ноги. Он впервые почувствовал, как Сумрак потянул из него силы. Значит, времени мало. Хорошему парню Саше Спешилову и так есть чем заняться, кроме как вытаскивать с глубоких слоев резервистов, переоценивших свои возможности при виде пролитой крови.

– Я никогда ничего подобного не видел, – вдруг тихо и непривычно медленно произнес Саша. – Что это такое?

Сурнин поднял голову. Саша, одной рукой все еще придерживая напарника за плечо, другой указывал на стену каменного лабиринта. От звездчатой кладки не осталось и следа. Громадные каменные блоки, опасно выступавшие и западавшие по отношению друг к другу, удерживала мощная сеть, оплетая каждую глыбу глянцево черными стеблями, смахивавшими на силовые кабели. Пересохшие лианы второго слоя явно играли на этом уровне не последнюю роль: намертво стянутая ими конструкция устремлялась ввысь и терялась из виду в пыльных облаках, набитых стальными опилками.

На фоне этого циклопического сооружения в нескольких шагах от Сурнина и Саши Спешилова, вольно раскинув перепончатые крылья, недвижно стоял призрак Матвея Корнеева. Его контур, словно обведенный сильно разбавленной коричневой краской, слегка дымился, от чего казался не то побитым молью, не то изъеденным временем. Сквозь полупрозрачное тело просвечивали неестественно гладкие кромки гигантских глыб. На груди призрака, вернее, в ее проекции горела целехонькая печать Ночного Дозора. Носитель регистрационной метки таял на глазах. Источались распластанные крылья, вампир медленно деформировался, оседал, окутываясь дрожащим облачком.

Сурнин успел стряхнуть с плеча Сашину руку, перехватить парня за запястье и оттащить ровно на три шага назад, прочь от жуткого порождения Сумрака... прежде чем сообразил, что в таком плачевном состоянии нежить им не опасна.

– Я не знаю, – сказал он, выталкивая слова из горла словно в ватную подушку. – Эта сволочь сейчас сдохнет. Ты умеешь переносить печать на другой носитель?

– Нет, – удивленно отозвался Саша, все еще оторопело глядя на вторично издыхавшего Матвея Корнеева. – Я думаю, ее невозможно перенести. Это же регистрационный знак для вампиров, его не переносят!

– Жаль. И я не умею, – криво усмехнулся Никита. – Закрой нас – у меня сил не хватит! – приказал он, искренне надеясь, что Саша все поймет правильно и не начнет выяснять, кто здесь на самом деле действующий сотрудник Дозора, который имеет право отдавать приказы. И кому выкладываться по полной, удерживая «щит мага» на третьем слое Сумрака...

Нить регистрационной метки в этом мире была видимой. Никита потянул ее, ухватив за колючий размочаленный кончик, отдал короткий беззвучный приказ, и печать сломалась. Рвануло бело-голубое пламя, ударившись в необъятную стену и поднятый Сашей «щит». В обычном мире сейчас, наверное, вокруг стало бы светло, как днем. Но в Сумраке свои законы. Регистрационная метка не его детище. Она – дело рук Иных. Жаркое пламя растопило размытый контур вампира и пожрало самое себя, не отбросив ни единого отблеска.

– Уходим! – крикнул Сурнин и оглянулся на неестественно быстро сворачивающиеся лепестки рукотворного огня.

А стоит ли уходить? Вот он перед тобой – желанный волшебный мир, звавший с самого детства, насылавший странные сны, которые снятся каждому Иному. Встать у древних стен, раскинуть руки, как Матвей Корнеев – крылья, и раствориться. Что такого страшного в развоплощении, в единении с собственной природой? Зачем им пугают в учебке юных магов? Скорее всего это даже приятно – стоять и чувствовать, как тебя размывает Светом, льющимся сквозь прозрачные контуры несовершенного человеческого тела, и ледяной ветер срывает кожу, останавливает дыхание...

Под ногами взорвалась петарда, вязкая как патока тень разлилась вокруг, и Никиту, в последний момент дернувшегoся наверх, вынесло из липкой лужи в странный мир второго слоя Сумрака. Саша отбросил в сторону отработавший амулет и согнулся, упершись руками в колени.

– Спасибо, – прошептал Никита, с трудом расслышав собственный голос.

– Не останавливайся. За мной! – чуть сипло отозвался Саша и выпрямился.

Шагнуть вслед за напарником со второго слоя на первый оказалось куда проще. Через секунду Никита уже стоял рядом с ним и оттирал со лба липкий пот.

– Ну, ни хрена себе постоял в оцеплении, – пробормотал Сурнин. – С меня причитается, дозорный... Что это так жажнуло?

– «Фомка», – откликнулся Спешиллов, аккуратно выключил «Маклайт» Студента, встряхнул руками и двинулся к выходу. – Все! Уходим. Пора полицию пускать. Чего мы одни с этим ЧП возимся? Пусть еще одному дежурному наряду сегодня повезет!

– «Фомка»? – переспросил Никита. – Что-то я про такой амулет не слышал.

Он пошел за Сашей к лазу в стене.

– Да самоделка обычная, – пояснил Александр. – За ночь иногда так умотаешься – ни войти, ни выйти... В принципе ничего сложного нет, изготовить такой амулет легче легкого. Одна фишка – делать надо на пике формы, отдохнувшим и, как говорится, с чистыми помыслами и Светом в сердце. А такое нечасто бывает.

– А если не с чистыми, то что? Не сработает? – недоверчиво спросил Никита, стараясь не отставать.

– Сработает, – откликнулся Спешиллов. – Она на один слой Сумрака рассчитана, все равно сломает. Только в этот кратковременный пролом Тьма ползет. Чаше – в лице своих приспешников, которые мне в самый напряг совсем ни к чему.

На первом слое Сумрака Никита чувствовал себя вполне прилично, пока они не выбрались наверх и не отошли от провала метров на тридцать. Здесь сумеречный мир, не напоенный кровью, был не так ласков к Светлому Иному Никите Сурнину, лип к нему, давил на глаза тусклым светом, клубился серостью и цеплялся за лодыжки синим мхом, буйно разросшимся у ближайшего перекрестка.

– Выходим, – скомандовал Саша, у которого сил должно было остаться не больше, чем у напарника. – Держи. У-уф...

Он протянул Никите, ослепленному светом фар и оглушенному шумом улицы, маленькую шоколадку, которую тот чуть не уронил на мокрый асфальт,

разрывая обертку непослушными пальцами.

– Вечно встанут посреди дороги! Места другого не нашли, – проворчал из-под черного зонта пожилой мужчина, задев Никиту плечом. – Ну что за люди!

– А мы не люди, – тихонько сказал Саша вслед сердитому пенсионеру, подмигнул Никите и извлек из внутреннего кармана плаща любимый гаджет.

– Саш, сколько тебе лет? – спросил Сурнин.

– Двадцать пять, а что?

– Да нет, ничего, я так и подумал. У Иных внешность иногда обманчива, но в твоём случае все сходится, – констатировал Никита. – Ну что, ловим машину, едем в офис?

– Щас...

Ох уж это фирменное отрешенное «щас», когда Саша занят перелистыванием страниц, перебором необходимых ссылок и открытием десятка весьма полезных приложений...

– Так. Ловим машину и едем в офис, – подытожил Спешиллов.

Верный айфон исчез в кармане плаща, как волшебный фолиант – в складках мантии.

– Разве это было не ясно? – покачал головой Никита.

– Ну, мало ли. Вдруг нас еще куда-нибудь перекинули бы. Еще вся ночь впереди.

Никита хотел сказать, что в таком случае Саше бы позвонили, что маг третьего уровня Силы непременно почувствовал бы, как берут его координаты, что, если бы он срочно понадобился, сейчас рядом с ними тормозила бы крутая тачка с мигалками, но только вздохнул и пожал плечами. Александр Спешиллов не услышал бы ни одного из этих аргументов. Скорее всего он бы недоуменно поднял брови и удивленно сказал: «А зачем – все в инете есть».

Саша сошел с тротуара на проезжую часть.

Крутая тачка не подвернулась. На призывный взмах руки из потока, по-хамски подрезав дорогой внедорожник, метнулась к обочине подслеповатая «лачетти» с помятым передним крылом. За рулем сидел классический бомбила. И в общем, это было неплохо. Жадность и беспардонность привели человека к Свету без всяких дополнительных усилий. Дневному Дозору нечего предъявлять своим оппонентам.

Саша, усевшийся на переднее сиденье, многозначительно оглянулся. «Ты при исполнении», – кивнул Сурнин. У него у самого руки чесались. Водила отчаянно нуждался в реморализации. Хотя бы потому, что вероятностные линии его будущего, путаясь и петляя, вели к темному провалу автомобильной аварии. То есть сами линии Никита практически не рассмотрел – они слились, перед глазами взорвалось тучей осколков лобовое стекло, в глазах потемнело, виски запульсировали болью.

Слишком много для одного вечера. Это только возможность, вероятность чужой беды. Очередная болезнь новичков, которые не могут здраво оценить и взвесить все варианты развития событий, отдаваясь во власть ярких видений. «Запомните, мы оцениваем вероятностное поле, а не ваши фантазии, растущие на нем как грибы после дождя», – говорил им маг-куратор. Нельзя за три часа вернуть все навыки, которые растерял за несколько лет.

«Десять лет работал, десять – не работал. Раньше ни фиги не знал, зато казалось, что все могу. Теперь до хрена знаю – кажется, что ничего не могу. Система пришла в равновесие, и в жизни у меня наступила полная гармония», – усмехнулся Сурнин про себя. Он поморгал, зябко поежился и откинулся на спинку сиденья.

– Доедем? – спросил он у Саши.

– А как же! – ответил за дозорного повеселевший водитель.

Мужик как-то даже помолодел. Казалось бы, что может изменить в жизни незначительное вмешательство седьмого уровня? Для Светлого или Темного Иного – мало что. А для человека? Раньше Никита над этим не задумывался. То

есть задумывался, конечно, но как-то не так. И реморализацию много раз проводил, но как-то походя, без проникновения в философские глубины бытия. Как Санек сейчас. Щелк – вот тебе Свет в подарок. Хотя, с другой стороны, не будешь ведь каждый раз возлагать руки на голову и торжественно вещать, когда достаточно щелкнуть пальцами. «Бред какой-то глубокомысленный!» – подумал Никита, уселся поудобнее и посмотрел сквозь стекло на залитый огнями город.

Час пик миновал, пробки на дорогах постепенно рассосались, исправленный водитель довез их до места относительно быстро и без приключений, взял по-божески. Никита, конечно, демонстративно полез за кошельком в карман, но Саша расплатился сам, великодушно отказавшись от финансовой помощи.

По какому-то негласному сговору ни Саша, ни Сурнин не заводили разговор о случившемся, словно приняв обет молчания с того самого момента, как вышли из Сумрака. Охранников на входе в четырехэтажное здание Ночного Дозора, один из которых поздоровался со Спешилковым за руку, они миновали без всяких проблем. В разгар ночной смены первый этаж выглядел притихшим и пустынным. Только оперативный дежурный высунулся из-за своей двери:

– Спешилков, тебя Басоргин заждался, поднимайтесь.

– У нас офисная сеть подвисает, – сообщил ему Саша, чуть притормозив.

– А ты не лась, – ухмыльнулся тот. – Не волнуйся, Санек, люди работают, программистов я час назад вызвал, Анатолий в курсе. Да! Лифт сегодня не в настроении, скрипит и приезжает с задержкой, вы лучше по лестнице, – предупредил он.

«А когда по-другому было?» – подумал Сурнин.

– А что, когда-то по-другому было? – спросил Саша. – Пойдем пешком, – предложил он, и Никита согласился, облегченно вздохнув.

Фамилия Басоргин ему ничего не говорила. Незнакомые боевые маги, знакомые Темные Иные во главе с когтистым Велиховым, оперативный дежурный, которого он никогда раньше не видел. Сурнин молча поднимался по знакомой лестнице за своим стремительным спутником. Лестничные марши

посветлели, выщербленные от времени ступеньки белели свежими заплатками, от перил шел еле уловимый запах краски.

- О, лестницу отремонтировали? Виталий Маркович постарался? - наудачу спросил Никита.

Иные живут долго. Дозорные иногда - не так долго, как могли бы, работой они в другом месте, но зам по коммерческой части! Если бы Александр сейчас сказал: «Какой еще Виталий Маркович? Никогда о нем не слышал», следующим вопросом Сурнина стал бы: «А кто сейчас руководит Ночным Дозором Москвы вместо Бориса Игнатьевича?» К счастью, второй вопрос, за которым могли бы последовать всяческие непредсказуемые события, не понадобился и остался висеть, словно неиспользованное заклинание.

- Да, - заулыбался притормозивший Спешилов. - Как-то исхитрился, выбил финансирование. У нас тут в конце лета такой ремонт был - чуть не вымерли всей конторой! До сих пор, по-моему, краской воняет или мне кажется?

- Есть немножко, - подтвердил Сурнин.

На просторной площадке третьего этажа, как и положено, дежурили два оперативника, и - о чудо! - одного Никита знал в лицо. Правда, напрочь не помнил, как парня зовут, но, судя по удивленному взгляду, тот тоже Никиту признал, что не помешало обоим дюжим молодцам, без проволочек пропустив Спешилова, преградить дорогу нежданному гостю.

- Представьтесь, пожалуйста.

В голосе звучала холодная вежливость.

- Сурнин Никита Михайлович, Светлый Иной, состою в оперативном резерве Ночного Дозора города Москвы, - отрекомендовался Никита, - пятый уровень Силы.

- Раскройте, - потребовал знакомый оперативник.

- Да я и не закрывался, - пожал плечами Никита.

Его напарник заглянул в планшет, который держал в руках, и поднял голову:

- Вы работали у нас в патрульной службе?

- Да.

- Ваши регистрационные метки не определяются. Как вы это объясните, Никита Михайлович?

- Они сняты десять лет назад при увольнении.

Оперативники переглянулись, подтянулись и принялись повторно потрошить его ауру. Тест на внешнее управление – отрицательно. Тест на скрытую инициативу – отрицательно. Демаскировка амулетов и подвешенных заклинаний – не обнаружено. Тонкая паутина сканирования недавних контактов – чисто. Проверка на «жучки» и прочие шпионские штучки. Тест еще на хрен знает что – он не понял, но ощущение было гадким. Когда в руках проверяющего заработал амулет цветного стекла, Никиту аж передернуло. Саша за спинами оперативников вздыхал и нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

- Подойдите сюда, пожалуйста.

Никита подошел и уверенно коснулся пальцами фигурки петуха, сплетенного из золотистой проволоки. Петух благосклонно молчал. Никита вообще плохо помнил, шевелился ли он когда-нибудь, и уж точно не слышал, как он кукарекает.

- Поднимите руки.

Никита поднял. Его обшманали сверху донизу. Магия магией, а еще одну Великую Силу, а именно – кинетическую энергию пули, выпущенной из обычного пистолета, никто не отменял. На заре карьеры Никита лично брал одного такого кудесника, заговаривающего профессиональным киллерам огнестрельное оружие. Причем брал сразу из Сумрака и только потому остался цел. Темный паршивец в него сквозь хлипкую дверь всю обойму выпустил. «Щит мага» прогнулся и растрескался так, словно Сурнин закрывался листами хрупкого пластика, а не использовал всю силу заклинания, служившего ему до того верой

и правдой. И если бы Темный оружейник был столь же искусен в боевой магии, как в заговорах, Ночной Дозор города Москвы точно недосчитался бы в ту ночь одного из молодых сотрудников. Никиту стерли бы в порошок и развеяли в Сумраке за то время, что он судорожно стряхивал с себя хищных металлических пчел с иззубренными жалами.

- Чисто, - наконец объявили ему.

Знакомый охранник чуть улыбнулся и вполне дружелюбно кивнул:

- Проходи, Сурнин.

И Никита, пройдя на третий этаж за повеселевшим Сашей, шагнул в дверь, к которой без всякой жалости к недавнему ремонту двумя широкими полосами скотча кто-то прилепил бумажный лист с надписью «Ответственный дежурный». Судя по тому, что края еще не успели обтрепаться, комнату выделили недавно.

В дальнем конце прямоугольного кабинета друг напротив друга стояли два одинаковых стола. На одном из них возвышался монитор, вокруг которого поддерживался идеальный канцелярский порядок. Второй был завален бумажными папками, распечатками, дисками и флешками, сползавшими с двух закрытых ноутбуков, стоящих друг на друге, и заставлен пустыми чайными чашками. Вокруг него стояло несколько разномастных стульев.

На полу вдоль левой стены между потертым диваном и заваленным столом сердито шипел включенный электрочайник, выдувая струйку горячего пара прямо в цветочный горшок, оказавшийся по соседству. Чахлый цветок дрожал зонтиками узких листьев и раскачивался от ужаса на тонких зеленых ножках. На полке над столом вместо низложенного цветка красовалась пузатая сахарница, стояла банка кофе, валялись пачки с пакетированным чаем и открытые упаковки печенья. Вдоль другой стены разместился полупустой шкаф. Видимо, его притащили совсем недавно и еще не успели захлупить. Две секции посередине были закрыты на маленькие висячие замки. Надпись «Вещдоки» какой-то находчивый дозорный вывел масляной краской прямо поверх полировки. За верхними дверцами что-то тихо скреблось. Нижние были плохо пригнаны, замок перекосило, а в образовавшейся щели переливался Светом сторожевой знак.

Саша небрежно кинул плащ на рогатую вешалку, стоящую в правом углу кабинета, и растерянно взъерошил волосы на затылке.

– А дежурный сказал, что он здесь. Проходи, Никита.

– Кто?

– Басоргин Эдуард Карлович. Ночной смотрящий по Москве, – сказал Саша. – Ладно, – поспешно добавил он, взглянув на Никиту, не расположенного шутить. – Мы с этой недели работаем по новой схеме. В помощь оперативному дежурному в офисе круглосуточно находится опытный сотрудник не ниже первого уровня Силы.

– У Басоргина какой? – быстро спросил Сурнин.

– Первый и есть.

«Слишком высоко, – подумал Никита. – Таких на всю Москву человек пять, если не меньше. Почему я о нем раньше не слышал?» Он не успел высказать сомнения вслух.

– А ты и не можешь его знать, – пояснил Спешилов, перехватив взгляд, – он пару лет назад из Екатеринбурга переехал. Вернее, из-под Екатеринбурга.

Чайник дошел до точки кипения, яростно забулькал и отключился. Дверь распахнулась, и Эдуард Карлович – немолодой, но подтянутый и деловитый, – возник на пороге. Он был аккуратно и коротко подстрижен, одет в строгий костюм и рубашку с галстуком, и сразу видно – не приветствовал вольностей в одежде.

Так что Саша с серьгой в ухе, упакованный в модные узкие джинсы, и Никита в легкомысленной клетчатой рубашке с закатанными рукавами и кожаными заплатками на локтях не должны были вызвать у него особой симпатии. Тем более что с бытовой магией дела у них обстояли не лучшим образом, и оба сотрудника Ночного Дозора – как действующий, так и резервный – после посещения исторических подземелий столицы имели довольно жалкий вид.

– Здравствуйте, – сказал Басоргин и строго посмотрел на обоих. От него пахло дорогим табаком, седые усы настороженно топорщились. – А что это вы в дверях стоите, а, Саша? Проходите, располагайтесь, нам предстоит долгий разговор.

Он прошел вперед, окинул взглядом кабинет, вздохнул и слегка склонил голову к несчастному цветку, словно готовясь выслушать его жалобы.

– Это цветочные войны, – заулыбался Спешилов.

– Действительно. У Марии какое-то непонятное соперничество с этим зеленым насаждением... – пробормотал Басоргин. – Но это мы отложим на потом. Присаживайтесь, Никита Михайлович. Меня зовут Эдуард Карлович.

– Добрый вечер, – сказал Никита.

На первый взгляд Басоргин выглядел как партийный функционер советских времен. Или главный инженер, который в перестройку успел сориентироваться, встал носом по ветру, пережил смутные времена без особых потерь и теперь работал на том же предприятии менеджером по закупкам оборудования. И все у него всегда схвачено, причесано, отчетность в порядке, подчиненные надрючены, откаты проплачены, и начальство довольно. И главная задача его теперь – не в чертежах разбираться, а поддерживать собственный имидж на должном уровне. Чтобы никому и в голову не пришло посадить на теплое место дочку главы местной администрации.

Басоргин сел в офисное кресло за тот стол, на котором соблюдался порядок. Никита и Саша, подтащивший два стула, расположились напротив.

Рассказывал Спешилов. По ходу повествования Эдуард Карлович несколько раз отвечал на телефонные звонки, останавливая увлекшегося Сашу взмахом руки. Разговаривал он со всеми одинаково. За коротким «так» следовала пауза, длина которой зависела от заковыристости поставленной задачи, иногда – быстрый взгляд в работающий на столе компьютер, иногда один-два уточняющих вопроса, а затем – рекомендация. Никаких «возможно», «наверное, будет лучше», «ты давай сам подумай», «а зачем мне звоните» и «это не в моей компетенции». Пару раз он звонил кому-то сам. В дверь дважды заглядывали. Басоргин вежливо просил зайти позже.

Сначала удивленный Никита решил, что ошибся в том, что Эдуард Карлович изображает видимость деятельности. Похоже, тот и в самом деле работал – прокручивал в голове огромный объем информации, параллельно вникая в детали Сашиной истории. А потом до Никиты дошло. Находясь в самом сердце Ночного Дозора, он умудрился упустить из виду, что перед ним не человек, а волшебник. Иной.

Сурнин так заигрался в игру под названием «Я больше не хочу быть одним из вас» и так в этом преуспел, что автоматически подошел к Светлому Иному первого уровня Силы, вхожому в глубинные слои сумеречного мира, с убогой человеческой меркой – хлипкой, мелкой и абсолютно в данном случае неуместной. И увидел то, чего и заслуживал с таким подходом, – ярлык, предназначенный для мира людей. Внезапно он почувствовал, что Басоргин стар. И так же внезапно увидел, насколько он силен, этот добрый волшебник, восседавший в наспех оборудованном кабинете и сердито топорщивший усы.

Такому, как Басоргин, можно было без всякого смущения жаловаться на людей, на Свет и Тьму, на запутанную жизнь и на соседского кота, опять нагадившего на коврик у двери. И не бояться, что тебя не дослушают или дослушают лишь для того, чтобы еще очень долго шептаться за спиной.

Никита вдруг разом, резко, до противного тянущего ощущения в груди понял, как ему всего этого не хватало. Не трупов на улицах, не бессонных ночей в дозоре и даже не Басоргина, который поймет, выслушает и не осудит, – мира Светлых Иных. Где никто никогда не метнет тебе в спину ни слово, ни нож, ни проклятие.

– Никита, вы как себя чувствуете? – вдруг спросил Эдуард Карлович.

– Не очень, – признался Сурнин. – Извините, кажется, я отвлекся, – пробормотал он.

– Так, – сказал Басоргин, оценивающе посмотрев на полуночного гостя. – Александр, вы чай пили?

– Не успели.

– Давайте-ка попейте. Мне все равно к аналитикам надо. Я вернусь минут через десять. А ты знаешь что, Санек... Не оставляй его одного пока, не уходи никуда.

И Басоргин пружинисто поднялся из-за стола. Саша нагнулся к Сурнину и тронул его за плечо.

– Никита, ты чего, в самом деле, потерянный такой? Тебе плохо?

– Нет, Саша, мне хорошо, – слабо улыбнулся тот и расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке. – Только я не знаю, рад ли я этому.

– Это нас гипогликемия догнала, – без тени сомнения резюмировал Спешиллов, оттащил его на диван и вручил чашку с крепким горячим чаем. Сахара он не пожалел – бухнул от души.

– Тьфу! – с чувством сказал Никита, сделав пару глотков. Но ему и в самом деле полегчало. Наверное, легкомысленно заключив, что все проблемы нежданного напарника можно решить лишней ложкой сахарного песка, Александр Спешиллов был отчасти прав.

– Спасибо, Саша, – сказал Сурнин, заставил себя сделать еще несколько глотков и, перегнувшись через подлокотник дивана, поставил чашку на край стола.

Басоргин вернулся ровно через десять минут, остановился посреди кабинета и церемонно произнес:

– Александр!

– Да! – Неугомонный Спешиллов вскочил со стула.

– Ваш третий уровень подтвержден. Сегодня вы действовали оперативно, грамотно и, не побоюсь этого слова, – зрело. Но ваша смена еще не окончена. Отправляйтесь на Болотную площадь. Во время несанкционированного митинга оппозиции там сегодня наблюдалось заметное скопление Темных. Самые рьяные митингующие еще не разошлись, полиции полно, так что осмотрись, Саша, и доложи. Возможно, без магической подоплеки не обошлось. Если мы сможем это доказать, у нас появится лишний козырь в колоде. Как закончишь, вернешься на

Трубную – там Тахир со стажером свидетелей ищут и прилегающие улицы прочесывают, закончите вместе. Сомнительно, конечно, но, может, что-то интересное найдете. До конца смены я снимаю тебя с патрулирования Центрального округа. Все ясно?

– Да, Эдуард Карлович, – бодро ответил польщенный Спешилов.

– Подробная информация у оперативного дежурного. На случай, если я что-то упустил.

Никита поднялся с дивана. «Вот, значит, как, – подумал он, крепко пожимая Саше руку. – Подтверждение уровня. Мальчишку явно дотянули до тройки. Уровню-то он соответствует, но опыта ему катастрофически не хватает. И к чему такая спешка? В Ночном Дозоре острый дефицит кадров?»

– А к вам, Никита Михайлович, у меня есть несколько вопросов, – продолжил Басоргин, когда за Сашей, тепло улыбнувшись на прощание, закрылась дверь, – или можно без отчества?

– Можно, – согласился Сурнин.

– Да вы присядьте, Никита, вам сегодня и так нелегко пришлось, в ногах правды нет.

– Ничего, я в порядке, спрашивайте.

Басоргин задумчиво пригладил усы, подошел, расстегнул нижнюю пуговицу пиджака и уселся на диван рядом с Никитой.

– Что вы можете сказать о призраках вампиров?

– Я думаю, что их не бывает.

– Тогда с чем вы столкнулись?

– Трудно сказать, – ответил Сурнин. – Я когда к месту происшествия подошел и все это увидел, был на сто процентов уверен, что Темные затеяли какую-то

хитрую игру, воспользовавшись неопытностью Спешилова. Выяснить, кто сегодня патрулирует район, не так уж сложно.

– И что заставило вас отказаться от этой мысли?

– Регистрационная метка. Это наша печать, она оставлена силами Света. Именно мы обучены с ней работать, а не Дневной Дозор. Скорее всего Темные патрульные и впрямь не поняли, что произошло под конец их смены. Выглядели они не слишком уверенно.

– А по-вашему, что там произошло? – заинтересовался Басоргин.

– Мне кажется, что вампира устранили как досадное препятствие. Его никто не собирался уничтожать, он вообще там был никому не нужен. Он словно попал под такой... механический удар... – Никита запнулся, подыскивая подходящее сравнение, – парового молота. И я думаю, что в Сумраке мы видели его матрицу. Более того, я уверен, что, если бы Темный дозорный в первое посещение подземелья аккуратно собрал останки и приволок их в глубокие слои Сумрака, Матвею Корнееву удалось бы восстановиться. Правда, не берусь предположить, сколько десятков или сотен лет у него бы на это ушло. А метку просто выбило из рассыпавшегося тела чудовищной силой. Вообще видимая сумеречная матрица – звучит дико, – признался Сурнин. – Если бы мне такое рассказали, я бы не поверил.

– Это стереотипы мышления, Никита, от которых иногда не грех отказаться, – успокоил его Басоргин. – Для нас вампир либо жив, в смысле – материально существует, либо упокоен. И мы в отличие от простых смертных слишком хорошо знаем, как это выглядит на всех уровнях реальности. А у вас сегодня получился промежуточный результат. То, что факт выглядит невероятным, еще не повод сбрасывать его со счетов. Кстати, почему вы сожгли регистрационный знак?

Никита поморщился. Как объяснить весь тот сумбур, что царил в его голове в момент принятия решения? Он боялся, что метка непредсказуемо всплывет подобно предметам материального мира – все-таки это хоть и энергетическая субстанция, но искусственно созданная. И в то же время всерьез опасался, что она рванет у них за спиной. Какими будут последствия, если спонтанно полыхнет голубой огонь? Он призван прожигать слои Сумрака до полного уничтожения нежити. Разгорится он в невиданный пожар или, наоборот, сразу

погаснет, оставшись без носителя? Наконец, идея повторно осмотреть место происшествия могла прийти в голову не только Сурнину, но и оперативникам Дневного Дозора... Секунды текли, Саша растерялся, а сам Никита путался в позабытых страхах, балансируя на грани сумеречной комы.

- Я решил, что так безопаснее, - нехотя признался он. - Ситуация - врагу не пожелаешь. Метка - сама по себе. Труп вампира - сам по себе, его матрица ползет из глубины навстречу останкам и становится видимой... У меня категории не хватило мгновенно просчитать все последствия. А разворачивать вероятностное поле на третьем слое Сумрака и просматривать варианты... Мы бы тогда оттуда не вышли. Я просто сломал печать, чтобы не оставлять за спиной, - хмуро закончил Сурнин.

- М-да, - задумчиво произнес Басоргин. - Все очень неоднозначно. То есть вы согласны, что Подгорный пал от руки таинственного мистера Икс, как утверждает Спешилов?

- Да.

- И что убийца - Темный Иной не ниже первого уровня Силы?

- Да уж точно не Светлый, - усмехнулся Никита.

- И вы разделяете Сашину точку зрения, что мистер Икс шел прицельно за Подгорным? - быстро уточнил Басоргин.

- Не факт. Он шел не за вампиром - это точно, но его целью вполне мог быть Студент. В таком случае он забрал то, зачем пришел. Мы никаких магических артефактов на теле не обнаружили. А если это было нечто нематериальное - то сейчас уже не узнать. Когда я оказался на месте, аура почти растаяла. Но то, что она была человеческой, - сто процентов. Студент не был Иным - ни потенциальным, ни инициированным.

Никита, не успев задуматься над тем, что делает, скинул Басоргину посмертный слепок гаснущей ауры Студента. Тот кивнул и на мгновение словно потерял к собеседнику всякий интерес. Эдуард Карлович, похоже, вступил с кем-то невидимым в оживленный диалог. Сурнин невольно прислушался - точно, есть сумеречный канал, с кем-то ответственный дежурный общается. В следующий

миг он почувствовал, как горят кончики ушей, ругнулся про себя и тихонько потрянул головой – вот ведь лезут позабытые навыки, когда не надо! Никита смущенно опустил глаза. Эдуард Карлович встал, заложил руки за спину и прошелся по комнате.

– Александру Спешилкову в голову не пришло изучать то, что осталось от ауры Студента, – задумчиво произнес он.

– Саша сколько лет в оперативниках? – спросил Никита.

– Четыре года.

– Потому и не пришло, – сказал Сурнин.

Кажется, он все-таки покраснел.

– У вас потрясающий потенциал, Никита. – Басоргин неожиданно развернулся посреди кабинета. – Почему вы ушли из Дозора?

Разговор, как в Сумраке, проскочил на следующий слой. Здесь будет нелегко.

– Второй раз на «потрясающий потенциал» я не покупаюсь! – заявил Никита и рывком поднялся с дивана. – Эдуард Карлович, у вас остались вопросы по существу?

– И как это Саша с тобой так легко поладил, – проворчал Басоргин себе под нос, все еще стоя посреди комнаты. – Успокойтесь, Никита, никто из Светлых Иных вас покупать не собирается. Думаю, что и тогда не собирался. Как говорится, торг здесь не уместен. От имени руководства Ночного Дозора я уполномочен предложить вам работу в оперативном отделе. У нас этой осенью сотрудников катастрофически не хватает, – пояснил он и вынул из кармана пиджака затренькавший мобильник.

– Всегда не хватало! – неприязненно сказал Сурнин и замолчал, с досадой пожав плечами.

Откуда, из каких подвалов вылезло это неуместное хамство? Что за дешевый «щит», не имеющий никакого отношения к силам Света и Силе вообще!

Теперь Никита совсем не знал, как себя вести.

Извиниться перед Басоргиным, который ничего плохого ему не сделал? Начать оправдываться? Промолчать и демонстративно направиться к двери? Или холодно объяснить, где он видал оба Дозора с их интригами, головоломками, подставами, крысиной возней на улицах и придушенной ненавистью, сочившейся из каждой буквы Великого Договора, разворачивающегося перед глазами по первому требованию...

Сурнина бросило в жар. Слабость после неожиданного путешествия по трем слоям Сумрака мгновенно отступила под натиском того самого разбуженного потенциала Иного, которым ему вечно тыкали в нос. Сумеречный мир расплескался у ног, зазывая в царство трех лун. Никита очень любил бывать на втором слое. Там, где размыта привычная реальность, но еще сохраняется магия в человеческом значении этого слова. Волшебство, и таинство, и удивительные запыленные цвета, и течение энергий, и где-то очень далеко угадывается неизведанная глубина. Но еще нет ледяного ветра третьего слоя – мертвого пустынного рубежа. Первые годы работы в Дозоре ему казалось, что, если дойдешь до него, необратимо изменишься, растворишься, погрязнешь в вечной войне Света и Тьмы, навсегда утратив связь с человеческим миром. Постепенно он узнал, что это не так. А потом прошел глубже, зачерпнул горсть песка, нехотя раскрывавшего притаившиеся краски, и вдруг понял, что все. Он себе все доказал, честно отработал свое обучение, проверил сотни лицензий, сверх меры отловил всякой темной гадости различного калибра и два десятка Светлых Иных, расшатывающих систему. Дальше – бег по кругу. Песок, который ты сам наполняешь радужным светом, чтобы снова нырять за ним на немислимую глубину. Необъятная пустошь.

Почему он ушел из Дозора? Саша Спешилов, наверное, думает, что потерял любимую девушку или дорогого друга, смущается, боится затрагивать эту тему лишний раз. Да не было у Сурнина закадычных друзей в Дозоре, не сложилось. С Антоном Городецким вроде бы сошлись в учебке, но Никите с первого дня прочили оперативный отдел. А наставником Городецкого оказался не кто-нибудь, а сам Борис Игнатьевич, который сначала пригрел подопечного в конторе, присмотрелся, а потом стремительно потащил вверх, в заоблачные высоты карьерной лестницы. Может быть, Никита и позавидовал бы, будь он

тогда чуточку старше. Но на тот момент ни одному Высшему магу было не под силу затащить Никиту Сурнина в офис – так он рвался на улицы, к настоящей работе, опасной игре Дозоров, погоням и боевой магии.

Нет, все проще. Он пришел на четвертый слой Сумрака снова. Легко. Намного легче, чем в первый раз. Побродил по плоской равнине, поиграл разноцветным песком, пересыпая его из руки в руку... Отработал смену, а на следующий день объявил, что уходит, так никому и не сказав, сколько времени провел там, где другие лишь мечтали оказаться.

Никиту бросило из жара в холод, и он переступил с ноги на ногу, поймав равновесие. В глаза словно плеснули расплавленного света, сумеречное зрение померкло, уступив место обычному. Собственно, он не собирался его задействовать – получилось как-то само собой, как с «аудиоканалом», будь он неладен!

«Седьмой уровень по самоконтролю. С натяжкой», – самокритично объявил себе Никита и обнял себя за плечи. Теперь Басоргин, наверное, думает о нем бог знает что. В дежурке стало прохладно. Басоргин все еще стоял напротив с мобильником в руке. Он, не глядя, отбил звонок.

– А скажи мне, Никита, – задумчиво произнес он, – кто был твоим наставником? Или как сейчас принято говорить у молодежи – магом-куратором?

– Давлятшин.

– Не слышал о таком, – покачал головой Эдуард Карлович.

– А он в патруле погиб, – хмуро ответил Никита, поеживаясь от холода, – я как раз на следующий день должен был традиционную формулу произнести. Что-то там связанное с благодарностью... и что я больше не ученик, а он не учитель. Забыл уже. Так я могу идти?

– Конечно, можешь, – сказал Басоргин. – Я не знаю, говорили тебе или нет, но ты все равно вернешься в Дозор. Рано или поздно. Так, может, сейчас, когда ты действительно нужен позарез?

– А что такое случилось сейчас, чего не случилось раньше? – спросил Никита, направляясь к двери.

Хитрец Басоргин все-таки втянул его в диалог. И как это у него получилось? Вроде бы и про потенциал, и про то, что из Дозора не уходят, Никита сто раз слышал и мимо ушей пропускал. А вот надо же – обернулся. «Это он “тройным ключом” меня так приложил или я сам уходить отсюда не хочу, пригрелся?» – подумал Сурнин, остановившись на полдороге.

– Давай вместе к аналитикам заглянем, я тебе на месте объясню, – сказал Эдуард Карлович, прошел к выходу мимо растерявшегося собеседника и остановился в дверях. – Никита, ты вроде взрослый человек, работал в Дозоре, о ночных улицах знаешь не понаслышке. Сам подумай, ну куда ты в таком состоянии сейчас пойдешь? В город? Тебя же трясет всего. Ты по уровням разбалансирован от третьего до седьмого. На дворе ночь, еще натворишь чего-нибудь, Дневной Дозор привяжется. Право слово, у аналитиков тебе сейчас гораздо безопаснее. – Басоргин широким жестом распахнул дверь. – И поверь, намного интереснее!

– Эдуард Карлович, мы с вами на «ты» перешли? – вздохнул сдавшийся Сурнин, выходя за ним в коридор. Это было все, что он мог противопоставить ответственному дежурному.

– Ну, если тебе это так принципиально...

– Да ладно...

Ситуация напоминала Никите бородатый анекдот про учителя, который врывается в класс, с порога швыряет в детей глобус и орет: «Ну что, засранцы, заждались?! Где здесь Гибралтар, я вас спрашиваю!», а потом в мертвой тишине объясняет потрясенной комиссии: «Суть моей методики: сначала ошарашить, потом – озадачить».

Сурнина сегодня и ошарашили, и озадачили, и он в самом деле очень странно себя чувствовал и совсем не хотел на ночные улицы столицы. Метро уже закрылось, а в Дозоре что-то затевалось – не просто так Александра Спешилова подтянули до третьего уровня. И Никита мог биться об заклад, что не просто так пару лет назад переехал в столицу из провинции Эдуард Карлович Басоргин. А

не сам ли Пресветлый шеф Ночного Дозора его вызвал, заранее прикрывая тылы в предстоящей многоходовке, которая сейчас выходит на финишную прямую?

– Хороший анекдот, – прищурился Эдуард Карлович, чуть склонив голову набок. – Мне его часто рассказывают. Прошу.

Никита тихо выругался про себя, вздохнул и последовал за ним, лихорадочно вспоминая азы ментальных передач, чтобы больше не кидаться в ответственного дежурного слепками рассыпающихся аур и идиотскими образами. Точно тот под главного инженера маскировался в советское время. Или нет – снабженцем он был с такими способностями! И наставником заводской молодежи.

В приглушенном свете висел над столом магический шар. Остальное помещение, довольно просторное, словно подернулось легкой дымкой – аналитики перестраховались. Как ни крути, а официально Никита не являлся сотрудником Дозора. Для него приготовили какую-то презентацию, благоразумно скрыв от глаз хранилище бесценной информации. В офисном кресле с высокой спинкой возле магического шара сидела девушка-оператор. Лицо подсвечивали разноцветные сполохи, от чего она казалась сказочной принцессой, спящей волшебным сном. Не открывая глаз, она кивнула вошедшим.

– Мы можем начинать, – мягко попросил Басоргин.

Девушка не шевельнулась, но шар ожил, увеличился в объеме, взорвался цветом, раскручивая спиральную радугу, и превратился в объемную полупрозрачную модель земного шара около метра в диаметре, который через секунду окутала разноцветная паутина линий реальности. Само призрачное полотнище вероятностного поля бесшумно развернулось позади.

– Я попросил развести для наглядности, – тихо комментировал Басоргин. – Это сводный прогноз на ближайшие пять лет. И он крайне тревожный.

Глобус запылал многочисленными красными кляксами, темнеющими на глазах. Вероятностные линии почернели и изогнулись, словно отчаянно сопротивлялись неведомой силе, которая их давила и деформировала, заставляя стекаться к расползающимся по поверхности багровым провалам, и через несколько минут магический шар стал похож на старую елочную игрушку, сплошь опутанную

узловатой паутиной. Россию и вовсе было не разглядеть под густой сетью. Картинка застыла, а еще через секунду земной шар окутала тьма, магический шар погас и съежился.

Теперь светилось только вероятностное поле.

– Здесь я попросил вывести территорию нашей страны, – все так же негромко продолжал Басоргин.

Никита перевел взгляд. В то время как все остальные линии, перебегая с места на место и путаясь, медленно выстраивались в идеально упорядоченную сеть, тонкая пунктирная нитка, словно кем-то забытая, не вплетенная в сложный узор, упрямо висела в пустоте. Прерывистый росчерк, чей-то единственный, очень слабый шанс в непонятной игре Великих Сил, пространства и времени.

– Теперь привяжем к местности, – попросил Эдуард Карлович.

Паучья сеть поблекла, зато географическая карта России стала отчетливо видимой. Прерывистый пунктир протянулся из Москвы на Урал, к Перми и Челябинску. Девушка-оператор поменяла масштаб, выделив нужный участок, точно как в автомобильном навигаторе или обычных «Яндекс-картах», и ниточка уперлась свободным концом в кружок, обозначающий город.

– Предуральск! – шепотом прочитал ошеломленный Никита.

– Это ведь твой родной город, Никита, не правда ли, любопытно? – спросил Басоргин.

– Да... очень странно, – кивнул Сурнин.

– Пойдем обсудим то, что видели. Не будем мешать аналитикам, – предложил Эдуард Карлович. – Большое спасибо, – сказал он оператору магического шара и подтолкнул замороженного Никиту к выходу.

– Это победа Темных? – решительно спросил Сурнин, когда они снова оказались в дежурке третьего этажа.

Погрузившийся во мрак магический шар все еще стоял перед глазами. Такими образами не играют лишь для того, чтобы вернуть на улицы отказавшегося от службы оперативника. Все всерьез. В мире что-то сломалось, и он хотел знать что.

– Возможно, – осторожно ответил Эдуард Карлович, усевшись за стол. – В таком случае средства ее осуществления представляют собой величайшую загадку истории. Дневной Дозор все отрицает, но Темные активизировались. Посмотри статистику происшествий, Никита. Всю Москву с начала месяца трясет по нарастающей. Наши патрули не справляются. Пикеты, митинги, пожары, несколько обвалов зданий.

– Темных должно сейчас прямо-таки заливать энергией, – пробормотал Сурнин. – Есть все основания, чтобы заявить протест Дневному Дозору. Инквизиция в курсе?

– Садись, Никита, – предложил Басоргин, кивнул на стул, стоявший возле его стола, и устало потер пальцами переносицу. – У нас у всех очень мало времени. Возможно, даже меньше, чем мы надеемся. И весьма вероятно, что Великий Договор не устоит и будет нарушен впервые с момента заключения. А потому, прежде чем начать отвечать на твои многочисленные вопросы, я повторю свой. Ты готов перейти в ранг действующего сотрудника оперативного отдела Ночного Дозора или нет?

Никита передвинул стул, сел и молча уставился на сплетенные пальцы рук. Все это очень в духе родного офиса. Ему еще ничего не сказали и скорее всего ничего стоящего не расскажут, но уже практически перетянули на нужную сторону. И как точно расставлены акценты: побеждает та самая нечисть, за которой Никита десять лет гонялся по ночной Москве, причем взялась побеждать она именно сейчас, когда он отвернулся, ушел, позволив ей подкрасться незамеченной. И как тонко подведено: ты, конечно, пешка, но если откажешься, расколется шахматная доска, рассыплются величайшие белые фигуры, Свет обернется Тьмой, и шеф Дневного Дозора в демоническом облике отпразднует победу, щедро вознаградив приспешников человеческими душами...

Сурнин поднял голову.

– Значок и пистолет вернете? – усмехнулся он.

– С этого начнем, – заверил его собеседник без тени улыбки.

– У меня будет возможность уйти, когда все закончится?

– Если к тому времени будет куда уходить, – вывернулся Эдуард Карлович.

– Тогда давайте будем считать, что я только что написал заявление и отнес его в отдел кадров. Что дальше?

– В таком случае прямо сейчас ты поступаешь в мое распоряжение, – кивнул Басоргин, – а дальше посмотрим. Так, что касается вопросов и ответов. Инквизиция в курсе, как раз сейчас наш шеф и Высшие маги проводят необходимые консультации. Протест Дневному Дозору заявлен вчера в двадцать два ноль-ноль. Официальный ответ не замедлил себя ждать. Там недвусмысленно сказано, что в использовании спонтанно выбрасывающейся Темной энергии нет состава преступления.

– Отлично. А теперь, когда вы меня так успешно завербовали, скажите, Эдуард Карлович, вы это спланировали заранее?

Басоргин посмотрел на него долгим взглядом. Поздно язык прикусывать. К счастью, взгляд не был испепеляющим. Но очень красноречиво говорил о том, что еще одно такое заявление, и вечер вопросов и ответов закончится парой лишних строчек в личном деле Светлого Иного Никиты Сурнина. Есть к чему стремиться: проблема выбора отпадет сама собой. Ни Ночного Дозора, ни оперативного резерва, живи триста лет и радуйся.

– Тест на честность руководства, Никита, не предусмотрен при трудоустройстве в нашу контору, – изрек Басоргин, положив руки на стол. – За несколько часов до вашего с Сашей появления в офисе, раз это для тебя так важно, – сказал он, выдержав многозначительную паузу. – Когда без всяких видимых причин полыхнул торговый центр и мы ломали голову, как прикрыть Спешилова, остававшегося с тремя трупами, тремя Темными и одним боевым магом пятого уровня Силы. Мне сбросили твое личное дело, и я удосужился взглянуть на дату и место рождения.

- Понятно...

- Если ты думаешь, что твоя миссия – задавать вопросы, ты меня неправильно понял, когда я говорил об оперативном отделе.

- Это последний, – пообещал Сурнин.

- Тогда перейдем к делу. Не возражаешь?

- Нет.

- Хорошо. В десять утра ты выезжаешь в командировку в Предуральск. До Перми самолетом, дальше – поездом. Билеты заберешь у дежурного. Я думаю, почему выбор пал на тебя, объяснять не надо?

- Дозорных у нас хронически не хватает, – хмуро сказал Никита. – Я хорошо знаю город, и мой роскошный потенциал позволяет на месте отсматривать линии вероятности.

- Верно, – подтвердил Басоргин. – У тебя всего два-три дня, Никита. За это время придется перевернуть городок вверх дном и любой ценой выяснить, что именно так настойчиво тянет в Предуральск эту исчезающе тонкую линию. Кстати, она тесно переплелась с линией твоей судьбы, когда я попросил аналитиков ввести твои данные в систему. Теперь вернемся к нашей любимой теме «О потенциалах, перспективах и возможностях Светлых Иных». На какой уровень ты сам себя оцениваешь?

- На пятерочку, – самокритично сказал Никита. – С плюсом.

- Что, если мы сейчас снова пойдем в Сумрак?

- Да пожалуйста! – Никита удивленно поднял глаза.

- Устойчивый, – хмыкнул Эдуард Карлович и коснулся его ауры. – К сожалению, методикой обучения во сне я в должной степени не владею. То есть с новичком бы я, конечно, справился, но с тобой, Никита, не рискну. Предлагаю следующий план действий: до шести утра я помогу тебе восстановить некоторые

утраченные навыки, так сказать, экспресс-курс. Потом дам часик передохнуть и обеспечу транспортом до аэропорта. Может, и домой успеешь заскочить. Надеюсь, напоминать, где располагаются учебные аудитории, не надо?

Никита отрицательно качнул головой.

– Иди, я тебя догоню.

«Не надо было с ним препираться. Сейчас я все вспомню, даже чего не знал отродясь, – запоздало каялся Сурнин, сворачивая в неприметный коридор третьего этажа, ведущий к аудиториям. – И главное, на что я опять купился?! На победу над мировым Злом. Мне ее не обещал никто, а я в Дозор! Пора что-то делать с самомотивацией, сплошной Голливуд: “Парни, наша страна просит нас о помощи. Кто-нибудь откажется спасти мир и демократию?” Очень свежо и оригинально. И звучит красиво, профессионалы работали. Только не годится в условиях перемирия и действующего Великого Договора».

Теорию они проскочили за пятнадцать минут. Еще пятнадцать ушло на то, чтобы вернуть на тело необходимые регистрационные метки Ночного Дозора, и еще некоторое время – на то, чтобы освежить в памяти порядок взаимодействия Дневного и Ночного Дозоров. А дальше начался обещанный интенсив, который Никита, опираясь на подсказки Басоргина, успешно проходил до самого утра.

Магия бытовая, магия отпугивающая и боевая, энергетическая подпитка «щитов» и «прессов», миражи и иллюзии, заговоренное оружие, бескрайние поля вероятностей, вероятностные оценки Судьбы, Дороги, Деторождения... Чего-чего? Деторождения?! Ни за что не вспомнить!

Магические сферы и заклинания. Заклинания исторические, отсроченные, подвешенные, задействованные и развеянные... Ну да, развеянные... Как же. Попробуй развеяй, когда ты столько туда вбухал!

Чужие пальцы на запястье: «Контроль где, Никита?»

Заклятия технические и мнемонические, амулеты служебные, изготовленные и дареные, амулеты защитные, обретенные и маскировочные, артефакты Светлые и Темные, выход из Сумрака. Как же здесь тихо... Резкий окрик Басоргина: «Выход, Никита!» Выход через тень, выход через построение сумеречной арки,

через воображаемую тень, через тень врага, через хрен знает что еще – все равно не получается, через пень-колоду, наверное.

Знаки продуцируемые и регистрационные, знаки считываемые, знаки Судьбы и Силы, знаки поименованные: «Агапе» – любовь, «тройной ключ» – вера, понимание... не путать с «тройным лезвием» из боевого арсенала... Трах!

Всплеск чужого энергетического «щита», звон в ушах, поминание такой-то матери – все равно перепутал, хотя знал, знал прекрасно, такое до смерти не забывается!

В шесть часов утра Сурнин рухнул на диван в кабинете ответственного дежурного, не представляя, как смог туда самостоятельно добраться, и провалился в навеянный сон. О том, чтобы уснуть самому, и речи быть не могло – пальцы онемели, голова разбухла, тело горело, горло саднило, в глазах мельтешило. И все это по отдельности, включая общую слабость и легкую тошноту, было вроде бы и не фатально. И скорее всего в другой ситуации даже принесло бы ощущение некоторого удовлетворения от хорошо проделанной тяжелой работы. Ведь его никто не пытал, не мучил... Наоборот. Никита не только вспоминал то, что утратил, но и немного расширял свои возможности. Уровень – дело наживное, а знаниями с ним очень давно никто из Светлых Иных не делился.

Но обучение, спрессованное в несколько часов, предыдущее расследование на месте убийства и предстоящее задание, помноженное на вторично рухнувший миропорядок... Правду говорят, что нерешенная проблема будет возвращаться до тех пор, пока ты ее не решишь.

Никита не помнил, как именно Басоргин его усыпил и сколько прошло времени от начала его маяты на диване. Он успел засечь чужое воздействие самым краем сознания, когда вслед за легким давлением теплой ладони на лоб пошел стремительный обрыв нитей реальности. Но с этим он уже ничего сделать не мог – провалился в желанное забытие.

* * *

На удивление, к половине восьмого утра, когда его разбудил шум голосов, Сурнин чувствовал себя совсем неплохо. Но за несчастных полтора часа он, конечно, не выспался – веки поднимались тяжело и неохотно.

– Мой циперус! Маруся, гадина, ты опять его на пол скинула! Под самый чайник.

– А кто... Дианка?!

– Этой вульгарщине вообще не место в шкафу с вещдоками!

– Ах, скажите, пожалуйста...

– Блин! Я опять юбку ободрала.

– Диан, тише, вон он дрыхнет. Его Эдуард прикрыл... не пойму чем.

– Кисея какая-то... Ух ты, прямо дизайнерское заклятие!

– Посмотрим?

– Отойди!

– Ой, нет! Не видно.

– Маруся, да брось, чайник вскипел.

Сурнин с усилием открыл глаза и понял, что позорно проспал шторм, во время которого здание Ночного Дозора захватили Темные. Возле дивана стояла натуральная ведьма, женщина-вамп или, на худой конец, подруга злодея из комикса. Грудастая девица была затянута в черную кожаную куртку-косуху, бесстыдно расстегнутую на груди так, что алые кружева лифчика выставлялись на всеобщее обозрение. Если под курткой и была какая-то майка – разглядеть ее не удалось. Темные волосы, расчесанные на прямой пробор, струились по плечам. Широко расставленные глаза с любопытством смотрели из-под угольно-черных бровей. На смуглой шее девушки болталось несколько амулетов, подвешенных на массивных цепях. Бедра туго обтягивали кожаные брюки. На ногах красовались высокие ботинки, по байкерской моде отделанные

многочисленными металлическими деталями. Нежные девичьи пальчики украшали массивные кольца-печатки, а в другой руке девица держала черный мотоциклетный шлем, разрисованный красно-оранжевым пламенем. От нее пахло кожей, бензином, ночным дождем, свежим ветром и чем-то еще... Молодым здоровым телом и сексом, наверное.

Никита крепко зажмурился, ткнулся носом в диван, заворочался и снова открыл глаза, окончательно стряхнув остатки сна. Видение исчезло, но за подлокотником звякала посуда, слышались приглушенная возня и громкий шепот.

Дверь распахнулась, вошел собранный и деловитый Басоргин.

– Доброе утро, Никита, поднимайся, пора ехать. – Он перевел взгляд. – Милые барышни, скоро восемь часов, вы подготовили рапорта оперативному дежурному?

– Мы уже сдали, – заверил женский голос.

– Как в прошлый раз, Диана?

– Да что вы, Эдуард Карлович! – наперебой защебетали «барышни».

– Мы все проверили.

– Потом поменялись и еще раз проверили!

– Садитесь с нами чай пить!

– У меня сосиски в тесте.

– А у меня кабачковые оладьи. Вы любите оладьи из кабачков?

Сурнин решил, что ночное обучение не прошло бесследно и с рассудком у него не все хорошо. Он сел на диване и осторожно повернул голову на непрерывный стрекот голосов.

– Ой, здравствуйте!

– Доброе утро, мы вас разбудили, наверное!

– Так, – строго сказал Басоргин, погрузив комнату в блаженную, но кратковременную тишину. – Никита, познакомься с нашими очаровательными боевыми магами. Диана и Мария. Это наши Розочка с Беляночкой, не пугайтесь. Дамы, – церемонно и многозначительно продолжил он, – Никита вас первый раз видит, постарайтесь произвести на нашего нового сотрудника благоприятное впечатление.

– Тогда Дианка – первая, – фыркнула черноволосая мотоциклистка, поставила чашку на стол и обернулась к подружке.

Вторая волшебница, стоявшая возле полки, на которую только что водрузила несчастный циперус, сделала шаг вперед. Она и впрямь оказалась стройной блондинкой со светло-голубыми глазами и пухлыми губами. Высокий лоб перехватывала расшитая ленточка, волосы были довольно коротко острижены, но из-под ленты во все стороны торчали какие-то клочки, прядки и хвостики. Девушка была одета в оранжевый топ, поверх которого красовалась ядовито-зеленая хламида с закатанными рукавами, а поверх всего этого – расстегнутый трикотажный жилет, украшенный разноцветным орнаментом. Индийская юбка до щиколоток закрывала ноги и образовывала с цветными кедами дикое сочетание. Тонкие запястья украшали многочисленные плетеные фенечки, а на левом предплечье красовалась татуировка символа Инь-Ян. В отличие от подружки амулеты блондинки висели на длинных нитях деревянных бус, обвивавших шею.

– Диана Санаева, дозорная, пятый уровень Силы, – по всей форме представилась волшебница, победоносно взглянула на Басоргина и присела в неглубоком реверансе.

– Мария, – сказала черноволосая, склонив голову набок. – А нам уже можно задавать вопросы, Эдуард Карлович?

– У Никиты Михайловича секретное задание, – улыбнулся Басоргин. – Вопросы запрещены до особого распоряжения.

– Секретное задание? – переспросила Мария. Ее глаза заблестели от любопытства.

– Ой, как интересно! – воскликнула светловолосая Диана. – Тогда вопрос, не относящийся к заданию. Никита, вы вегетарианец?

– Нет, – сказал Сурнин.

– Ха! Что я говорила?

– Не волнуйся, Никита, они очень хорошие оперативники. А Маруся еще и божественный водитель. У нее тоже пятый уровень, и она очень не любит, когда ее называют Машей, – сказал Басоргин. – Собирайтесь. В половине десятого вам надо быть в аэропорту.

Никита, не совсем уверенный в том, что действительно не спит, молча поднялся и пошел к вешалке за ветровкой.

– Маруся, ты за мной потом заедешь? – спросила Диана почти жалобно.

– Барышни, наша смена закончилась. Я сдаю кабинет Илье, так что прошу вас на выход. Маруся, подожди Никиту внизу. Диана, до свидания.

Басоргин жестко пресек попытку бурного обсуждения вопроса, кто во сколько за кем заедет и где можно это время перекантоваться. Обиженная Диана сдернула с вешалки плащик – такой же нелепый, как и вся ее одежда, Маруся молча подхватила со стула шлем и черные мотоциклетные перчатки. Басоргина они, кажется, слушались беспрекословно. В кабинете после их ухода стало пусто, тихо и невероятно просторно.

– Что это было, Эдуард Карлович?

– Все в порядке, ты просто не привык, Никита, – успокоил его Басоргин, улыбаясь в усы. – Это наши охотницы на ведьм. Они не лесбиянки, подружились в Дозоре, седьмой год работают в паре по Московской области – это то, о чем обычно все спрашивают. Так, – он перестал улыбаться, – собственно, мы все оговорили. Вот тут кое-что тебе в помощь, разберешься по дороге.

Начальник протянул Сурнину банковскую зарплатную карту, резной металлический жезл размером с авторучку, китайский брелок-фонарик и тонкий кожаный ошейник, густо исписанный рунами.

Сурнин рассовал подарки по карманам ветровки.

– Да, и еще вот это на крайний случай, – добавил Басоргин, после секундного колебания вынув из внутреннего кармана пиджака амулет – прозрачный шарик на кожаном шнурке. – Но лучше воспользуйся Прямым порталом, – чуть смущенно сказал он и снова перешел на суховатый деловой тон. – Что ж... Исходя из всего, что я вчера видел, четвертый уровень – уверенно. Могло быть и выше, но самоконтроль плывет, Никита, будь внимательней. В добрый путь.

– До свидания, Эдуард Карлович.

Никита вышел, бросил сумрачный взгляд на охрану и зашагал вниз по лестнице. Прямой портал, значит... А сказал только сейчас! С другой стороны, мог бы вообще промолчать. Символ, мерцающий где-то в трепещущих лепестках ауры, Никита со своим наспех восстановленным четвертым-плюс почувствовал бы еще очень не скоро. Он недовольно дернул плечом, словно стряхивая энергетическую координационную метку.

С одной стороны – это страховка. Сотрудника, отмеченного таким знаком, легко найти и в случае опасности мгновенно перекинуть в офис Ночного Дозора. С другой стороны – рвануть с помощью Прямого портала куда-нибудь на Мальдивы не получится, это не Минойская сфера. Он ведет только в одно место земного шара и активируется из центра, а никак не наоборот.

Что-то в этом есть такое... Полусветлое. Понимай как хочешь – или последний шанс на спасение, или поводок и символ недоверия. Если кажется, что второе, – самое время подойти к магу-куратору или к кому-нибудь из Высших Светлых и серьезно поговорить о правильности выбора, приверженности стороне Света и прочих тонких материях.

Никита быстро сбежал по лестнице до первого этажа и по-воровски проскочил мимо комнаты оперативного дежурного – народу туда набилось прилично. Дозорные, возвращавшиеся с ночной смены, сдавали рапорта. И если вчера ночью Никите не хватало в притихшем здании знакомых лиц, сейчас он не хотел

никого видеть, чтобы не отвечать на ненужные вопросы.

Маруся курила на крыльце тонкую длинную сигарету и трепалась с охранником о кубических сантиметрах и техобслуживании. Суровый плечистый дядька неплохо разбирался в мотоциклах и вождедел Марусю. Увидев Сурнина, девушка бросила сигарету в урну.

– Вы готовы ехать?

– Готов, – кивнул Никита и увидел мотоцикл, величественно всплывший из паутины охранных заклинаний.

О да! Это был Мотоцикл. Огромный, черный, с блестящими никелированными деталями. С магическими присадками, едва не разрывающими бензобак, с ходовой, под завязку накачанной энергией, и нарисованной бабочкой на кожаном седле за водителем – сразу видно, кто обычно ездил на нем вторым номером. Маруся молча протянула ему шлем. Адрес она не спрашивала, видимо, задание ей скинули заранее. Никита едва успел оседлать бабочку, как мотоцикл взревел, приподнял переднее колесо и с места рванул в Сумрак.

«Мама!» – чуть не сказал Сурнин вслух.

Они вихрем промчались по утренней Москве в самый час пик. Это считалось принципиально невозможным не только для людей, чьи машины дергались в пробках, с трудом преодолевая каждые пять-семь метров до развязок и светофоров, но и для тех Иных, которые не относили себя к Великим волшебницам, магам вне категорий и Инквизиторам.

За время поездки Никита Сурнин вспомнил всю свою жизнь, Бога, черта – хоть это и не рекомендовалось, первую любовь и первую учительницу Ангелину Васильевну.

– Приехали, Никита! Страшно было? – ласково спросила из-под шлема черноволосая бестия, усмиряя свою адскую машину у Никитинового подъезда.

– Да нет, что ты! – ответил Сурнин, сползая с мотоцикла. – Я теперь больше вообще ничего не боюсь! Буду жить долго и счастливо.

- Вы собирайтесь спокойно, я подожду, - сказала польщенная наездница.

Никита кивнул и вошел в дом. Поднимаясь в лифте, он подумал, что, пожалуй, благодарен Басоргину за предоставленный транспорт. Вся та глубокомысленная хрень, которая прошедшей ночью вдруг полезла из всех закоулков сознания и подсознания, начисто выветрилась из головы. Все стало прозрачным: Мария на мотоцикле, Никита в Дозоре, задание получено, выполнишь - похвалят. Он хмыкнул и открыл дверь, запертую на оба замка. Значит, Настя уже ушла на работу. Ах, как нехорошо! Никита вздохнул и вытащил мобильник. Кот Корсар, которого без всякого уважения к родословной и звучному имени они с Настей обзывали Каськой, выскочил в коридор, уставился на хозяина и замер, настороженно пригнувшись и выгибая спину.

- Алло, Настюш, привет, это я.

- Ох, Никита... Где ты был?! Чего ты мне такое наплел вчера? Я ничего не понимаю! - взволнованно выпалила трубка.

- На старой работе, - усмехнулся Сурнин.

- На какой еще старой работе?! - воскликнула Настя.

- Десять лет туда не заходил.

- Никита, ты где? Вы там в самом деле пьете...

И вдруг она остановилась.

- Настя, послушай. Мне надо срочно уехать. Ты извини, я бы тебе рассказал, но не хочу по телефону, - скомканно пробормотал Никита.

- Надолго? - спросили его после длинной-длинной паузы.

- На несколько дней, - выдавил Сурнин, представляя, как Настя отворачивается, хмурится и качает головой, словно не может поверить, что ее так предали. - Так получилось. Мне сделали предложение, от которого я не смог отказаться.

Зря он попробовал пошутить. Трубка сказала «смешно» и замолчала совсем. Каська, после долгих размышлений признавший хозяина, несмело подошел и вежливо потерся о ботинок. Словно спрашивал: «Это правда ты?»

– Ну и к чему были все эти разговоры? – спросила Настя. В трубке слышался посторонний шум. Видимо, она остановилась в переходе метро. – И наши планы на отпуск?

«Настя, я не собирался, я думал, что выбор сделан, пожалуйста, услышь меня!» – Он уже шевельнул губами. Нет! Не сейчас, не в запарке, не на бегу.

– Настя, я опаздываю на самолет.

Ох, не то он говорит, совсем не то!

– Ах вот как... Тогда я тоже уезжаю! Лариска звонила. Она меня в Турцию зовет по горячей путевке. Вылет послезавтра. Я вчера вечером хотела с тобой обсудить, но, кажется, пришла пора принимать решения независимо друг от друга? – В голосе зазвенела сталь.

С такой «стальной» Настей непросто разговаривать и бесполезно спорить – лучше соглашаться, иначе она может заплакать. Вообще Настя не плачет. За те три года, что они вместе, Никита видел это всего однажды и сразу поверил в то, что жить ей действительно не хотелось.

– Съезди с ней, отличная идея! – выдохнул Никита, вспомнив разговор с Басоргиным о нарастающем напряжении в столице. – Ты приедешь, я вернусь, мы все обсудим, – он почти поклялся.

Кажется, Настя услышала.

– Так что, мы съездим вдвоем, а? – недоверчиво и чуть растерянно спросила она.

– Конечно!

– Никита, а ты не мог мне сразу сказать? – тихо и горько сказала Настя.

- Не решился, - признался Сурнин. - И потом, тогда еще ничего было не ясно, кроме того, что я ночевать не приду. Ты мне не веришь, да?

- Не знаю... Ну ладно...

- Вот и хорошо.

- Вот и поговорили? - Настя, кажется, улыбнулась.

- Чудесный разговор, - согласился Сурнин.

- Ну и хватит, давай дальше опаздывать. Ты - на самолет, я - на работу. Кстати, твой самолет куда летит? Лично мой - до Антальи.

- До Перми.

- Тоже неплохо, - согласилась Настя. - Отпиши, как сядешь.

- И ты...

Но Настя уже демонстративно отключилась. Никита с размаху швырнул связкой ключей в подставку для обуви. Испуганный кот подскочил и с приглушенным воем шарахнулся в комнату. Перед тем как начать собираться, Никита еще несколько минут простоял посреди прихожей.

В Шереметьево они успели вовремя. Маруся соскочила с искрящегося магией мотоцикла, сняла шлем, церемонно пожала Никите руку и пожелала счастливого пути. Во время короткого прощания она прикусывала нижнюю губу и облизывалась. Можно было подумать, что девушка проглотила перчик чили, - до того ей хотелось нарушить запрет Басоргина и расспросить пассажира и о нем самом, и о предстоящем задании, а потом все это бурно обсудить с Дианкой. Но охотница на ведьм прошла испытание с честью.

И только в самолете у Никиты впервые появилось время, чтобы сесть, расслабиться и хоть немного задуматься о происходящем. Со вчерашнего дня его не покидало ощущение, что в стремительно набравшем силу водовороте событий он что-то упускал с самого начала, с того момента, когда увидел

сумеречное оцепление Иных. Какую-то незначительную деталь, мелочь, которую ухватил краем глаза...

Самолет развернулся, ненадолго замер перед разгоном на краю взлетно-посадочной полосы и рванулся в утреннее небо. Никита беспокойно заерзал в кресле. Его раздражало то, что он залип на самом старте, на размазанных в Сумраке мигалках полицейской машины, на просевшем асфальте. Что дальше-то было? Подошел стремительный и предельно сосредоточенный Саша Спешиллов, лихо процитировал параграф о мобилизации резервистов – не то! Никита откинулся на спинку кресла, глядя на плывущее далеко внизу здание аэропорта.

Молодая женщина на соседнем сиденье положила глянцевого журнала на колени и удивленно повернула голову в его сторону. Сурнин закрылся «сферой невнимания» и случайно бросил взгляд на название статьи: «Кризис трех лет семейной жизни». Очень актуально. У него как раз забрезжила перспектива превратиться из бывшего дозорного в бывшего мужа. Он прищурил глаза и глянул через Сумрак. «Все они, мужики, сволочи!» – гласил заголовок. Авторше уважение. Оставалось только надеяться, что его Настя не согласна с этой упырицей... И тут Сурнина осенило.

Вампир! Но не Матвей Корнеев, а тот, что осматривал место происшествия вместе с когтистым Велиховым и выбрался из провала последним, за несколько секунд до появления команды Ночного Дозора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/makarova_lyudmila/operativnyy-rezerv

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)